

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**«СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ОРИЕНТИРЫ»**

Сборник материалов участников
I международного круглого стола
молодых ученых-нордистов (24, 30 апреля 2020 г.)
и II международного круглого стола (28 мая 2021 г.)
молодых ученых-нордистов

**Москва
2021**

УДК 327

ББК 66.4

Утверждено к публикации редакционно-издательским советом
Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

Рецензенты:

Карпович Олег Геннадьевич

д.полит.н., д.ю.н., профессор, проректор по научной работе, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович

д.полит.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

«Североевропейские исследования: состояние и ориентиры», Сборник материалов участников I международного круглого стола молодых ученых-нордистов (24, 30 апреля 2020 г.) и II международного круглого стола (28 мая 2021 г.) молодых ученых-нордистов / **Отв. ред. Кулябина Л.Н.** – М: Дипломатическая академия МИД России, 2021. – 144 с.

Сборник может использоваться в учебном процессе (в вузах, где изучают проблемы мировой экономики и международных отношений, регионоведение, скандинавистику, нордистику), а также в информационно-аналитической и иной работе учеными, политиками, дипломатами, политологами и другими специалистами. Тезисы представлены в авторской редакции.

Ответственный редактор

Кулябина Лидия Николаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России

Редакционная коллегия:

Ногмова Аделина Шафиковна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России

Тимакова Ольга Александровна

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Шангараев Руслан Насимович

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

ISBN 978-5-6046526-5-7

© Коллектив авторов

© Дипломатическая академия МИД России

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие5

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-НОРДИСТОВ (24, 30 апреля 2020 г.)

Аржанов И. А. Военно-политическая деятельность НАТО в Арктике.....8

Арсиебекова А. Ю. Специфика отношений Исландии и Европейского Союза в сфере рыболовства и китобойного промысла.....16

Курнас П. А. Экономические инструменты стимулирования эффективного обращения с отходами в Финляндии.....24

Лиман И.Г. «Русский фактор» в становлении финской нации: формирование образа «Другого» (к постановке проблемы).....32

Садомцева А.Р. Позиция Швеции в урегулировании советско-финляндских отношений (сентябрь 1944 г. – апрель 1948 г.).....39

Хачирова Л.Р. Феминизм в политике Исландии: достижения и перспективы.....48

Emma Niemi. The image of Trolls in the Graphic Novel Series Hildafolk.....56

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-НОРДИСТОВ (28 мая 2021 г.)

Золотухин В.В. Североевропейские страны-члены ЕАСТ и кризис COVID-19: результаты коронавирусного года.....63

Кулябина Л.Н. Брендинг североевропейского региона.....70

Ниemi Э.Э. Образы шведов во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева.....76

Ордин А.В. Влияние семьи Валленбергов на внешнюю политику Швеции...85

Пименова М.А. Феномен "gysskräck" в современной Швеции: результаты опроса 2021 г.94

Ринкон Л.М. Отношения стран Северной Европы и Европейского союза...100

Родин Д.В. Северная Европа и «локарнский процесс» во второй половине 1920-х гг. 109

Рябиченко М.В. Миграционная политика Швеции на современном этапе: экономический аспект.....118

Слюняева Д.Е. Международно-правовой статус Шпицбергена.....123

Тимакова О.А. Фактор НАТО в североевропейском регионе.....133

Хачирова Л.Р. Африканский вектор внешней политики Исландии.....137

CONTENTS

Preview.....	5
I INTERNATIONAL ROUND TABLE FOR YOUNG SCHOLARS OF THE NORDIC COUNTRIES (April 24, 30, 2020)	
<i>Igor A. Arzhanov</i> NATO's military and political activities in Arctic.....	8
<i>Anastasia U. Arsibekova</i> The specifics of relations between Iceland and EU on fishing and whaling.....	16
<i>Pavel A. Kurpas</i> Economic instruments for promoting effective waste management in Finland.....	24
<i>Igor G. Liman</i> "The Russian factor" of the Finnish nation building: forming the image of the "Other" (to the problem statement)	32
<i>Anna R. Sadomtseva</i> Sweden's position in the post-war settlement of the Soviet- Finnish relations (1944 – 1948)	39
<i>Larisa R. Khachirova</i> Feminism in politics in Iceland: achievement s and prospects	48
<i>Emma E. Niemi</i>. The image of Trolls in the Graphic Novel Series Hildafolk.....	56
II INTERNATIONAL ROUND TABLE FOR YOUNG SCHOLARS OF THE NORDIC COUNTRIES (May 28, 2021)	
<i>Vasiliy V. Zolotukhin</i> Northern European EFTA member countries and the COVID-19 crisis: results of the coronavirus year.....	63
<i>Kulyabina L. N.</i> Branding of the Northern European region	70
<i>Emma E. Niemi</i> The Image of Swedes in “Vremennik” by the Dyak Ivan Timofeev.....	76
<i>Alexey V. Ordin</i> The influence of the Wallenberg family on the foreign policy of Sweden.....	85
<i>Mariya A. Pimenova</i> The phenomenon of "rysskräck" in modern Sweden: results of the survey 2021.....	92
<i>Laura Moreno Rincón</i> Northern European Countries and European Union's Relations.....	100
<i>Denis V. Rodin</i> Northern Europe and the "Locarno Process" in the second half of the 1920s.	109
<i>Marta V. Ryabichenko</i> Migration policy of Sweden at the present stage: economic aspect.....	118
<i>Darya E. Slyunyaeva</i> Svalbard's International Legal Status	123
<i>Olga A. Timakova</i> The NATO factor in the Northern European region	133
<i>Larisa R. Khachirova</i> The African vector of Iceland's foreign policy.....	137

Предисловие

Вниманию читателей предлагается сборник докладов по итогам серии дистанционных круглых столов по североевропейской проблематике **«Североевропейские исследования: состояние и ориентиры»**, организованных Дипломатической академией МИД России (усилиями Совета молодых ученых, Института актуальных международных проблем, а также кафедры политологии и политической философии).

Идея проведения круглых столов заключалась в создании постоянно действующей площадки, где молодые и начинающие нордисты (так в западной и отчасти российской литературе принято в последние десятилетия называть специалистов, в советской и постсоветской историографии традиционно именовавшихся скандинавистами) могли бы поделиться со сверстниками и старшими коллегами результатами своих исследований, гипотезами и идеями. Возникающие в ходе обсуждения и обмена мнениями инсайты, требующие коллективной проработки, могли бы быть предложены складывающимся здесь же исследовательским группам в качестве проектного технического задания.

Круглые столы призваны способствовать созданию и поддержанию научной среды, мультидисциплинарной по своей природе: участники специализируются на изучении максимально широкого круга реалий Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции — от экономики, истории, языка, культуры, внешней и внутренней политики, политики в области безопасности и устойчивого развития до стиля, быта и повседневности. Именно научная среда — живая, динамичная, отвечающая запросам современности — способна максимально благоприятствовать формированию нового поколения ученых-нордистов.

24 и 30 апреля 2020 года состоялся организованный Советом молодых ученых Дипломатической академии МИД России **двухсессионный круглый стол «Североевропейские исследования: состояние и ориентиры»**. В связи с ковидными ограничениями встречи прошли в онлайн формате. Молодые

преподаватели, аспиранты, магистры и самые отважные бакалавры, а также их наставники из Дипакадемии, МГИМО(У), МГУ, РГГУ, СПбГУ, Петрозаводского государственного университета обсудили различные аспекты внешней и внутренней политики Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии, в том числе перспективы устойчивого развития на севере Европы, цифровизации региона, реакцию на брекзит и даже современные комиксы по мотивам скандинавских саг.

Молодые эксперты обменялись мнениями о том, как чувствуют себя в современном мире коренные северные народы, в чем специфика гренландской и анланской автономий, в чем особенности арктических стратегий стран Северной Европы, какую политику в отношении североевропейцев ведут США и Китай, какова жизнь за пределами ЕС (исландский и норвежский варианты), актуален ли феминизм в скандинавских странах, как меняются позиции парламентских и уличных праворадикалов на севере Европы, как норвежцы переформатировали «казус Брейвика», как травмирующие сюжеты исторической памяти проявляются в современных российской-финских отношениях, какие лайфхаки для мусорной реформы можно подсмотреть у финнов и др.

Активное участие в обсуждении приняли наставники молодых исследователей — Илья Мотелевич Соломещ, Ирина Рейевна Такала (ПетрГУ), Евгения Валерьевна Корунова (МГУ), Алексей Александрович Сельницин (РГГУ), Лидия Николаевна Кулябина (ДА МИД России).

По итогам обсуждений принято решение о создании небольших исследовательских групп по целому ряду направлений (политика памяти и идентичность в североевропейских странах, североевропейский феминизм, «вне ЕС: североевропейский вариант» и др.)

28 мая 2021 года состоялся II ежегодный международный круглый стол для молодых нордистов **«Североевропейские исследования: состояние и ориентиры»**. Круглый стол прошел в гибридном формате.

С приветственным словом к участникам обратился директор Института актуальных международных проблем ДА МИД России, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор **О.Г. Карпович**.

В ходе круглого стола обсуждался широкий спектр вопросов: от образа Швеции в отечественных источниках XVII века, политического кризиса 1917 года и «локарнского процесса» в странах Северной Европы до последствий пандемии, миграционного кризиса, российско-финляндского приграничного сотрудничества, влияния семьи Валленбергов на мировую политику и политики северовропейцев в отношении африканских стран.

Заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова кандидат исторических наук **Е.В. Корунова** рассказала о традициях преподавания истории стран Скандинавии на историческом факультете МГУ. В работе круглого стола приняли участие выпускники, магистранты и аспиранты Дипакадемии, МГУ, Петрозаводского Госуниверситета, Университета Небрии (Испания), сотрудники МИД России и Института экономики Карельского научного центра РАН.

Модерировала дискуссии доцент кафедры политологии и политической философии, старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, кандидат политических наук **Л.Н. Кулябина**. Заинтересованность материалами круглого стола проявили представители посольств северовропейских стран в Москве. По итогам обсуждений принято решение о публикации отдельных материалов круглых столов за 2020-2021 годов.

Следующий круглый стол запланирован на весну 2022 года. Следите за анонсами на сайте Дипломатической академии МИД России <http://www.dipacademy.ru/press/category/anounce/>, на страницах в соцсетях @DipacademyMID, а также на телеграм-канале Совета молодых ученых ДА <https://t.me/joinchat/Ehly1EkPeOk5ZjEу>

Оргкомитет

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАТО В АРКТИКЕ NATO'S MILITARY AND POLITICAL ACTIVITIES IN THE ARCTIC

*Аржанов Игорь Александрович,
магистратура Дипломатической академии МИД России
yatsu@flaut.ru*

*Igor A. Arzhanov
Master's Degree program of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia
yatsu@flaut.ru*

Научный руководитель: д.полит.н., профессор Иванов О. П.

Scientific supervisor: Oleg P. Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science),
Professor.

Аннотация: в условиях, когда пять из восьми членов Арктического Совета являются членами НАТО, роль и значение альянса в регионе, деполитизированность и демилитаризованность которого пытаются сохранить европейские союзники, продолжает неуклонно возрастать.

Abstract: in the conditions when five of the eight members of the Arctic Council are members of NATO, the role and importance of the alliance in the region, the depoliticization and demilitarization of which the European allies are trying to maintain, continues to steadily increase.

Ключевые слова: НАТО, Арктика, Фареро-Исландский рубеж, «Арктический рубеж», «Стремительный мангуст», «Викинг», «Холодный ответ», «Единый трезубец».

Keywords: NATO, Arctic, Faroese-Icelandic border, "Arctic border", "Dynamic Mongoose", "Viking", "Cold Response", "Trident Juncture".

Актуальной проблемой для формирования системы региональных отношений в Арктике является рост интереса к региону со стороны НАТО, так как пять арктических государств - Канада, Дания, Исландия, Норвегия и США - являются членами НАТО. Следовательно, коллективная защита Североатлантического союза

в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора действует и в Арктике, и любые существенные изменения в обстановке безопасности в регионе будут влиять на договорные обязательства НАТО и планирование обороны. Однако НАТО до сих пор не сформировала конкретную стратегию для Арктики, и в настоящее время в документе о стратегическом руководстве Североатлантического союза, Стратегической концепции 2010 г., регион даже не упоминается. Альянс в своем концептуальном ключе решил не настаивать на своем присутствии в Арктике, несмотря на призывы Норвегии к обратному. Отчасти это связано с возражениями Канады против «интернационализации» региона, а также с целью избежать эскалации конфликта с Россией.

Однако на практике стратегическое внимание Североатлантического союза все больше обращается на север. В 2018 г. НАТО решила создать новое командование Объединенных сил для Атлантики для содействия укреплению потенциала Североатлантического альянса по сдерживанию и ситуационной осведомленности в Северной Атлантике и районе Фареро-Исландского рубежа [8, p. 153]. И хотя в декларации НАТО на Брюссельском саммите в 2018 г. Арктика не упоминается прямо, в ней подчеркивается, что Северная Атлантика является ключевой линией связи для подкрепления сил альянса. В связи с этим, по вопросу Крайнего Севера, в Декларации сообщается о решениях Североатлантического альянса по укреплению морских позиций, повышению общей осведомленности о морской обстановке и активизации навыков ведения коллективных морских боевых действий в ключевых секторах, включая борьбу с подводными лодками, десантные операции и защиту морских линий связи.

Отдельные страны НАТО в Арктике вложили значительные средства в военный потенциал альянса, включая наблюдение, раннее предупреждение и противоракетную оборону. Так, с 2015 г. Норвегия увеличила свои расходы на оборону на 25%, в стране принято решение о приобретении 52 боевых самолетов F-35, оснащенных совместными ударными ракетами с дальностью до 550 км.

Великобритания активно закупает у США морские патрульные самолеты класса Poseidon P-8A (свой первый полет от имени Королевских ВВС данный самолет совершил в июле 2019 г.) [12, p. 102].

Исландия вновь открыла военную базу в Кефлавике для самолетов США, что значительно улучшило возможности НАТО для наблюдения и проведения противолодочных операций. С прицелом на перспективу можно предположить, что данная база, вероятно, будет задействована и для базирования стратегических бомбардировщиков B-52, выполняющих полёты через Северный полюс и Северное море в рамках регулярных учений «Арктический раскат» по линии США-НАТО [1, p. 13]. Согласно текущему сценарию четыре американских бомбардировщика B-52, способные нести 80 крылатых ракет, взлетали в США и совершали беспосадочный полёт через Северный полюс и Северное море.

Важные шаги были предприняты и в двустороннем военном сотрудничестве между странами НАТО. США поняли важность Северной Атлантики и Арктики для европейской обороны. Это подтверждается, к примеру, фактом восстановления Второго флота ВМС США для защиты Северной Атлантики. Корпус морской пехоты США заранее разместил военную технику в Норвегии для 4500 человек, и в будущем масштабы этой договоренности могут быть расширены. Кроме того, США также развернули в стране ротационные силы из 700 морских пехотинцев [5, p. 91]. Военные учения еще раз иллюстрируют растущую роль Крайнего Севера для НАТО. Расширяются проводимые раз в два года учения «Cold Response» («Холодный ответ») в Норвегии, которые были начаты по инициативе Осло в 2006 г. В учениях «Trident Juncture» («Единый трезубец») в 2018 г. приняли участие все страны-члены НАТО, а также Швеция и Финляндия [9, p. 45]. К тому же эти учения стали одними из крупнейших в истории НАТО.

Для лучшего понимания масштабов развёртывания таковых учений можно привести сжатую количественную статистику: было задействовано 50 000 человек, 65 кораблей, 250 самолетов и 10 000 единиц техники [10]. Соединенные Штаты

проявили большой интерес к данным учениям: впервые с 1987 г. они направили военно-морской авианосец «Гарри Трумэн» в регион. Согласно заявлению Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, прошедшие учения продемонстрировали тот факт, что НАТО готова защищать своих союзников в условиях «значительно ухудшившейся» обстановки в сфере безопасности в Европе [6, p. 121]. Также учения должны были проверить реакцию НАТО на нападение на Норвегию, где проводилась большая часть тренировочных операций. В то время как предполагаемое и потенциальное государство-агрессор было названо «Муринус» - вымышленный противник на северо-восточном фланге Североатлантического альянса, многие эксперты заявили, что маневры стали репетицией потенциального конфликта с Россией [7].

Кроме того, на новых учениях «Единый Трезубец» 2018 г. (на новых, т.к. начало таковым было предопределено в 2014 г., и первые учения по этой линии состоялись в 2015 г. Регулярность проведения – раз в три года) отработывалась задача «30/30/30», что означает переброску и сосредоточение в районе военного конфликта группировки из 30 батальонных групп сухопутных войск, 30 военных кораблей ВМС, и 30 эскадрилий боевой авиации за 30 дней. Таковая задача есть ничто иное как осуществление американской инициативы, представленной в 2017—2018 гг. в рамках реализации «Плана действий по повышению боевой готовности вооружённых сил НАТО» и «Концепции передового присутствия и усиления» в ответ на сдерживание России. Более того, в авангарде развертывания была замечена и объединенная оперативная группа повышенной готовности. Следует отметить, что эта пятитысячная группа – явление относительно недавнее для НАТО, она была создана 5 сентября 2014 г. на встрече руководителей стран Альянса в Ньюпорте для быстрой реакции в случае нападения России на какую-либо из стран НАТО. Поэтому, к большому сожалению можно сделать аккуратный вывод о том, что антироссийской риторики в Едином Трезубце немногим больше, чем кажется на первый взгляд.

Что касается учений «Холодный ответ», то они тоже имели все шансы обновить свой количественный состав до рекордного числа за 14 лет их проведения. В учениях, состоявшихся с 2 по 18 марта 2020 г. [3], планировалось задействовать до 19 000 военнослужащих, в том числе 3000 американцев [4]. Но американские войска не приняли участия в полной мере, так как Пентагон вынужден был изменить планы в связи с реструктуризацией американского военного присутствия на Ближнем Востоке, а также, как было заявлено, связи с распространением коронавирусной инфекции. Предполагалось, что Холодный ответ-2020 станут крупнейшими в их истории, но уже без полноценного участия США учения прошли не в таких масштабах, как планировалось. Примечательно, что вместе с этим США сделали ставку на альтернативные американо-канадские учения Arctic Edge 2020, состоявшихся в период с 24 февраля по 6 марта 2020 г. без каких-либо ограничений [2].

Помимо отмеченных учений, можно вкратце упомянуть еще два вида таковых – это «Стремительный мангуст» (проводятся на ежегодной основе, крупнейшие были в 2015 г., их официальная цель - обнаружение подводных лодок, рассматриваемых как предполагаемая угроза со стороны российских подводных лодок в Северном море) и шведские крупномасштабные учения «Викинг», правда, последние, уже не имеют такой антироссийской риторики и направлены на улучшение взаимодействия в области миротворческих операций и кризисного управления.

Таким образом, проведя системный анализ учений в регионе, можно сделать следующие выводы:

1. Основная задача совместных учений – повышение уровня совместимости и взаимодействия воинских контингентов стран-членов НАТО.
2. Начиная с 2015 г., ключевой «идеологией» является отражение «предполагаемой угрозы» со стороны Российской Федерации в комплексе – на суше, море и воздухе.
3. Прослеживается тенденция роста масштабов проводимых учений.

В целом, НАТО постепенно начинает уделять более существенное внимание территориальной обороне Северной Европы и обеспечению своего потенциала в Арктике. Тем не менее, официальное видение отсутствует, что усложняет активность организации в регионе.

Несмотря на вышеприведенные аспекты военной активизации, приоритет в Арктике для всех заинтересованных сторон должен заключаться в поддержании основных региональных и двусторонних соглашений, обеспечивающих учет интересов всех заинтересованных сторон, где бы они ни находились.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что изменение климата делает Арктику и её ожидаемые природные ресурсы доступнее. Все чаще появляются претензии со стороны пяти арктических прибрежных государств - Канады, Дании, Норвегии, США (все из которых являются членами НАТО) и России, которые выражают беспокойство по поводу будущего конфликта в регионе и выстраивают новое видение ситуации в сфере безопасности в Арктике. Увеличение напряженности вызвало опасения о начале новой «холодной войны» и возможного конфликта в Европе, а также привело к дальнейшему наращиванию военного потенциала в Арктике. Однако действия, предпринятые арктическими государствами в регионе, согласно официальным документам, обнародованным этими странами в последние несколько лет, акцентируют внимание на том, что в фокусе остается только защита территорий каждой из стран. Подобный сдержанный подход официальных документов можно только приветствовать, но на практике увеличение военных сил различных акторов Арктического региона, в том числе НАТО как организации, дает основания для беспокойства и подтверждает, что процесс становления регионального порядка в регионе продолжается.

Список источников и литературы

1. *Иванов О.П.* Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией // *Обозреватель–Observer*. 2018. № 9. С. 5-18.

2. «Прикрыть поражение НАТО в регионе»: как США и союзники наращивают военную активность в Арктике [Электронный ресурс] // RT. 24.02.2020. Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/721370-ssha-kanada-arktika-ucheniya> (дата обращения: 02.03.2020).
3. «Создать ситуацию напряжённости»: как страны НАТО наращивают военную активность в Арктическом регионе [Электронный ресурс] // RT. 02.03.2020. Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/723760-nato-arktika-ucheniya> (дата обращения: 02.03.2020).
4. *Столесен А.* Учения союзников на севере Норвегии пройдут без американцев [Электронный ресурс] // The Independent Barents Observer. 2020. 16 января. Режим доступа: <https://thebarentsobserver.com/ru/bezopasnost/2020/01/ucheniya-soyuznikov-na-severe-norvegii-proydut-bez-amerikancev> (дата обращения: 02.03.2020).
5. *Exner-Pirot H.* Between Militarization and Disarmament: Challenges for Arctic Security in the Twenty-First Century // *Climate Change and Arctic Security*. Palgrave Pivot, Cham, 2020. P. 91-106.
6. *Foggo J. G.* NATO and the Challenge in the North Atlantic and the Arctic // *Whitehall Papers*. 2018. Vol. 93. Issue 1. P. 121-135.
7. *Gorey C.* Norway claims Russia disrupted GPS during NATO Arctic war games [Electronic resource] // *Silicon republic*. 2019. Mar. 19. URL: <https://www.siliconrepublic.com/enterprise/russia-disrupt-gps-nato-arctic-war-games> (accessed: 28.02.2020).
8. *Käpylä J., Mikkola H.* Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertain // *The Global Arctic Handbook*. Springer, Cham, 2019. P. 153-169.
9. *Lippert T. H.* NATO, Climate Change, and International Security: A Risk Governance Approach. Springer, 2019. 263 p.

10. *Lute D.* NATO at seventy an Alliance in crisis [Electronic resource] // Project on Europe and the Transatlantic relationship. 2019. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/NATOatSeventy.pdf> (accessed: 28.02.2020).
11. *Regehr E.* Cooperative Security and Denuclearizing the Arctic // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2019. №2 (1). P. 274-296.
12. *Rowe E. W.* Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry // Political Geography. 2020. №76. P. 102.

СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЙ ИСЛАНДИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ РЫБОЛОВСТВА И КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА

THE SPECIFICS OF RELATIONS BETWEEN ICELAND AND THE EUROPEAN UNION ON FISHING AND WHALING

*Арсобекова Анастасия Юрьевна,
Санкт-Петербургский
государственный университет
anawhale@yandex.ru*

*Anastasia U. Arsibekova,
Saint Petersburg State University
anawhale@yandex.ru*

Научный руководитель: к.полит.н., доцент Григорьева О. В.

Scientific supervisor: Oхana V. Grigoryeva, PhD (Political Science)

Аннотация: отношения Европейского Союза и Исландии, несмотря на общий позитивный вектор своего развития, являются довольно специфичными в том плане, что позиции обоих акторов в сфере рыболовного и китобойного промысла нередко отличаются, что приводит если не к возникновению конфликтов, то к серьезным последствиям, затрудняющим в определенный период времени дальнейшее сотрудничество Европейского Союза и Исландии. Исследовательский вопрос в том, могут ли недопонимания, имевшие место быть в прошлом, отразиться на отношениях между государствами в настоящем и будущем.

Abstract: The relations between the European Union and Iceland, despite the general positive vector of their development, are quite specific in the sense that the positions of both actors in the field of fishing and whaling often differ, which leads, if not to conflicts, then to serious consequences that complicate further cooperation between the European Union and Iceland in a certain period of time. The research question is whether the misunderstandings that took place in the past can affect the relations between states in the present and in the future.

Ключевые слова: ЕС, Исландия, рыболовство, китобойный промысел

Keywords: EU, Iceland, fishing, whaling.

Исландия в значительной степени интегрирована в структуры Европейского Союза через Европейское экономическое пространство (1994) [3], Шенгенское соглашение (2001) [7] и Европейскую ассоциацию свободной торговли (1970) [7]. Между странами также заключены соглашения и на двусторонней основе. Исландия и ЕС осуществляют сотрудничество в таких областях, как научные исследования и разработки, окружающая среда, защита потребителей, туризм, культура.

В соответствии с Соглашением о Европейском экономическом пространстве [3] Исландия имплементирует в национальное законодательство директивы и положения ЕС, регулирующие свободное передвижение товаров, людей, услуг и капитала. Европейское экономическое пространство является крупнейшим рынком экспорта и импорта Исландии.

Однако, несмотря на наличие значительного количества областей сотрудничества, позиции Исландии и Европейского Союза расходятся в определенных вопросах.

Одним из главных камней преткновения в отношениях государств всегда была рыболовная политика. Соглашение о Европейском экономическом пространстве касается «четырех свобод» внутреннего рынка Европейского Союза: свободы движения товаров, услуг, людей и капиталов, однако Исландия как ~~член Европейской ассоциации свободной торговли~~ не принимает участия в инициативах, касающихся Общей рыболовной политики, что указывает на нежелание страны подчиняться каким-либо ограничениям со стороны Европейского Союза.

Согласно мнению исландского политика Г.В. Свейнссона, Исландия владеет одним из крупнейших и сильнейших рыболовных промыслов в мире, который продолжает демонстрировать признаки устойчивого развития без каких-либо субсидий со стороны государства [11]. В интересах Исландии не подключать дополнительных участников в процесс принятия решений в данной сфере. Г.В. Свейнссон считает, что стране было бы трудно контролировать свою экономику,

включая сферу рыболовства, будучи обязанной обсуждать эти вопросы с другими странами.

Разногласия между Исландией и Европейским Союзом вылились в «макрелевые войны». В 2013 году британская газета “The Independent” опубликовала статью, в которой говорилось о том, что Европейский союз собирается нанести решающий удар в виде серьезных санкций против Исландии и Фарерских островов за их постоянно растущие уловы скумбрии и сельди, что приводит к угрозе исчезновения рыбы [12].

Этот шаг знаменовал собой значительную эскалацию борьбы между исландским правительством, которое утверждало, что его рыболовная отрасль демонстрирует признаки устойчивого развития и является ключевой для экономики страны, и ЕС, который стремился защитить будущие рыбные запасы.

Санкции должны были включать в себя запрет на вылов скумбрии Исландией при выгрузке или проходе ее судов в портах ЕС, а также рассматривался запрет на экспорт скумбрии в Евросоюз.

На тот момент ЕС впервые использовал новый инструмент торговых санкций, введенный для борьбы во время «макрелевых войн», разразившихся в 2009 году, когда Исландия, не являющаяся членом ЕС, в одностороннем порядке установила свою квоту на скумбрию в размере 112 000 тонн. Это вызвало возмущение среди стран ЕС [12].

Основным фактором разрешения этого спора было то, что Международный совет по морским исследованиям пересмотрел свою оценку запасов скумбрии и обнаружил, что произошло увеличение количества мальков скумбрии, в результате чего показатели улова не должны превышать 889 000 тонн (до этого показатель составлял 570 000 тонн) [14]. Это фактически означало, что все страны могли добывать больше скумбрии, и несколько стран убедились в том, что доля скумбрии, которую они могли теперь вылавливать, увеличилась.

Еще одной сферой, в которой отношения Европейского Союза и Исландии подвергаются проверке, является китобойный промысел.

Государства-члены Европейского Союза придерживаются моратория на весь коммерческий китобойный промысел, который был принят в 1982 году. Все виды китов, а также и другие китообразные находятся под защитой от вылова и охоты в водах ЕС.

Законодательство Евросоюза запрещает содержание особей в неволе, их транспортировку, продажу или обмен животными, выловленными из своей среды обитания, и запрещает ввоз китообразных в ЕС для реализации коммерческих целей [9].

Европейский Союз стремится внести свой вклад в создание эффективной структуры, которая могла бы осуществлять контроль над китобойным промыслом во всем мире. Поэтому, основываясь на принятых во всем мире правилах защиты китообразных, ЕС сотрудничает с Международной комиссией по китобойному промыслу, стремясь коллективно разрабатывать меры по защите животных.

Как уже отмечалось выше, в 1982 году Международная комиссия по китобойному промыслу приняла мораторий на китобойный промысел (с 1985-1986 вступил в силу). Ряд стран, в число которых не входила Исландия, выступили против этого решения. Но после того, как запрет был введен, Исландией продолжалась небольшая программа научного китобойного промысла, которая включала в себя охоту на несколько десятков китов каждый год (это продолжалось до 1989 года). Страна пыталась предпринимать усилия по защите своих интересов и на международной арене.

В 2000 году Исландия сделала оговорку по поводу китобойного промысла [6] в «Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения» (“Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora”, CITES). Целью этого соглашения является обеспечение того, чтобы международная торговля образцами диких

животных и растений не угрожала их выживанию [4]. Финвал, являющийся жертвой китобойных судов в Исландии, указан в Приложении 1 к настоящей Конвенции, что влечет за собой запрет на охоту на этого кита во всем мире. Страна подчеркивала неоднократно, что ее нахождение в Международной комиссии по китобойному промыслу не означает соблюдение моратория 1982 года.

В отчете по китобойному промыслу делается вывод о том, что отрасль в целом экономически выгодна для Исландии [8]. В отчете также не обнаружено никаких признаков того, что китобойный промысел снижает количество туристов в стране. Основное внимание в документе уделялось общему экономическому воздействию китобойного промысла на Исландию. Он был заказан Министерством промышленности и инноваций, и проведен Институтом экономических исследований Университета Исландии. Согласно докладу, на китобойную отрасль Исландии приходится около 3% всех китов, на которых охотятся во всем мире. В докладе предполагается, что Исландия ответственно относится к китобойному промыслу с момента его начала в 1935 году, частично ввиду обеспечения защитой всех видов китов, которым угрожает опасность вымирания. Несмотря на кампании по защите окружающей среды в конце XX века, число туристов в Исландии выросло на 34% в период с 1986 по 1990 год [8]. Согласно докладу, нет также никаких свидетельств того, что китобойный промысел Исландии снизил интерес туристов к наблюдению за китами в их естественной среде обитания.

В 2010 году Япония, Исландия и Норвегия подали заявку в Международную комиссию по китобойному промыслу на легализацию коммерческого китобойного промысла [13].

Летом 2014 года правительства стран-членов Европейского Союза, Соединенных Штатов, Австралии, Мексики, Бразилии, Израиля и Новой Зеландии подписали официальный дипломатический протест, известный как демарш, в котором они призвали правительство Исландии остановить коммерческую деятельность китобойного промысла в стране и прекратить торговлю малыми

полосатиками и финвалами [5]. В документе указывается, что разрешения на вылов китов были введены Исландией в действие без предоставления данных Международной комиссии по китобойному промыслу и без учета интереса сохранения популяции китообразных. Важным аргументом является тот факт, что финвалы и малые полосатики перечислены в Приложении I к Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения (за исключением популяции малых полосатиков Западной Гренландии, которая включена в Приложение II), и государства (в том числе и ЕС) обеспокоены оговорками, сделанными Исландией в 2000 году, для этих и других видов китообразных. Авторы демарша призывают Исландию отменить эту оговорку и защитить китов от международной коммерческой торговли.

В 2018 году Исландия вновь разошлась во мнении с Европейским Союзом в отношении политики китобойного промысла. План создания заповедника для китов в Южной Атлантике был отклонен на заседании Международной комиссии по китобойному промыслу в Бразилии. Заявка на создание охраняемой территории, которую подали Бразилия, Аргентина и Южная Африка, не достигла требуемого большинства (три четверти членов Международной комиссии). В поддержку создания заповедника для китов (39 голосов) выступили в том числе и представители Европейского союза [10].

Таким образом, споры Исландии и Европейского Союза в отношении китобойного и рыболовного промысла не оказывают дестабилизирующего влияния на развитие отношений. Так, в 2018 году правительства Канады, Китая, Дании, Исландии, Японии, Норвегии, Российской Федерации, Республики Корея, США и ЕС подписали соглашение о предотвращении нерегулируемого коммерческого рыболовства в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана [2], что свидетельствует о стремлении государств к сотрудничеству. В 2019 году Исландия приостановила вылов китов и заявила, что спрос на подобного рода продукцию падает [1].

Исландия по-прежнему не стремится к членству в ЕС, однако данное обстоятельство не мешает стране выстраивать с Евросоюзом конструктивные отношения, вызванные обоюдным интересом в осуществлении сотрудничества.

Список источников и литературы

1. *Доценко, Я.* Исландия приостановила китовую охоту на 2019 год / Я. Доценко. URL: <https://vegetarian.ru/news/islandiya-priostanovila-kitovuyu-okhotu-na-2019-god.html> (дата обращения: 16.06.2020).
2. Россия подписала соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике [Электронный ресурс]// Официальный сайт «ТАСС». 03.10.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5633940> (дата обращения: 16.06.2020).
3. Соглашение об образовании Европейского экономического пространства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efta.int/content/legal-texts/eea/EEAtext/EEAagreement/view> (дата обращения: 16.06.2020).
4. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora [Electronic resource] // Official Website of the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. URL: <https://www.cites.org/eng/disc/text.php#II> (accessed 16.06.2020).
5. EU Leads an International Demarche against Whaling by Iceland [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. 2014. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-529_en.htm (accessed 16.06.2020).
6. Hard to Port. Protecting Wildlife in Iceland [Electronic resource] // Official Website of the Organization “Hard to Port. Protecting Wildlife in Iceland”. URL: <https://iwc.int/iceland> (accessed 16.06.2020).
7. Iceland and the EU [Electronic resource] // Официальный сайт Делегации Европейского Союза в Исландии. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/iceland/15864/iceland-and-eu_en (accessed 16.06.2020).

8. Icelandic Economists Say Whaling Overall Profitable [Electronic resource] // Official Website of “Iceland Review”. 17.01.2019. URL: <https://www.icelandreview.com/news/icelandic-economists-say-whaling-overall-profitable/> (accessed 16.06.2020).
9. International Whaling. [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. 28.11.2018. URL: http://ec.europa.eu/environment/nature/conservation/species/whales_dolphins/international_whaling.htm (accessed 16.06.2020).
10. Kein neues Schutzgebiet für Wale [Electronic resource] // Official Website of “Deutsche Welle”. 12.09. 2018. URL: <https://www.dw.com/de/kein-neues-schutzgebiet-f%C3%BCr-wale/a-45451901> (accessed 16.06.2020).
11. *Marshall C.* Iceland's fishing industry 'better off outside' EU [Electronic resource] // Official Website of “BBC”. 21.06.2016. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-36587253> (accessed 16.06.2020).
12. *McDonald-Gibson C.* EU tackles Iceland over 'mackerel wars' [Electronic resource] // Official Website of “The Independent”. 28.07.2013. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/eu-tackles-iceland-over-mackerel-wars-8735538.html> (accessed 16.06.2020).
13. *Merkelson S.* A Whale of an Exception [Electronic resource] // Official Website of “The Atlantic”. 29.04. 2010. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2010/04/a-whale-of-an-exception/39627/> (accessed 16.06.2020).
14. The Mackerel War [Electronic resource] // Official Website of “British Sea Fishing”. URL: <https://britishseafishing.co.uk/the-mackerel-wars/> (accessed 16.06.2020).

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В ФИНЛЯНДИИ**

**ECONOMIC INSTRUMENTS FOR PROMOTING EFFECTIVE WASTE
MANAGEMENT IN FINLAND**

*Курпас Павел Александрович,
МГИМО МИД России
p.a.kurpas@yandex.ru*

*Pavel A. Kurpas,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
p.a.kurpas@yandex.ru*

Научный руководитель: к.э.н., доцент Абрамова А.В.

Scientific supervisor: Anna V. Abramova, PhD (Economics)

Аннотация: статья посвящена анализу опыта правительства Финляндии по повышению эффективности обращения с отходами (налоги на отходы, на тару, залоговая система, утилизация). Высокая эффективность политики объяснена сочетанием экономических мер с методами административного и информационного характера, а также инициированием добровольных соглашений с собственниками отходов.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the experience of Finnish government in improving the effectiveness of waste management (taxes on waste, packaging, collateral system, recycling). High effectiveness of the policy is explained by a combination of economic measures with administrative and informational methods along with the initiation of voluntary agreements with waste owners.

Ключевые слова: Финляндия, отходы, эффективность, переработка, налог на отходы, налог на тару.

Key words: Finland, waste, effectiveness, recycling, waste tax, packaging tax.

В Финляндии система обращения с отходами находится на очень высоком уровне развития. Так, в 2017 году в стране в качестве вторичного сырья или топлива утилизировалось 97% твёрдых коммунальных отходов, хотя ещё в начале 2000-х более 60% из них не подвергались никакой переработке и захоранивались [5].

Высокую эффективность обращения с отходами иллюстрируют и общеэкологические показатели. По данным ВОЗ, в 2018 году в стране отмечалось самое высокое качество воздуха в мире [6]. Кроме того, в том же году она занимала первое место по уровню экологического здоровья в международном Индексе экологической эффективности (EPI) [1].

Приведённые статистические данные подчёркивают ценность финского опыта в вопросах организации системы обращения с отходами. Многие инструменты и подходы, внедрённые финнами, могут оказаться столь же действенными и в других странах, в частности в России.

В данной статье будут кратко рассмотрены экономические инструменты стимулирования эффективного обращения с отходами, используемые в Финляндии. Выбор данной группы методов в качестве предмета исследования обуславливается тем, что экономические инструменты имеют ключевое значение для успешного функционирования всей системы обращения с отходами.

Экономические методы стимулирования эффективного обращения с отходами представляют собой налоги или субсидии, влияющие на уровень издержек производителя и стимулирующие его вносить изменения в процесс производства для повышения рентабельности. Основными среди них являются:

- налог на отходы,
- налог на тару из-под напитков и залоговая система (система «залог — возврат»),
- сборы за вывоз и утилизацию отходов (принцип Pay-As-You-Throw) [7, с. 31].

Налог на отходы взимается на основе Закона о налоге на отходы 1126/2010, целью которого является сокращение объёмов захоронения и стимулирование использования вторичных ресурсов.

Налог применяется к общественным и частным свалкам и включается в стоимость вывоза и утилизации отходов, уплачиваемую клиентом. В настоящее время его сумма составляет 70 евро за тонну [2].

Стоит отметить, что им облагаются не все виды отходов. Налог не распространяется на опасные отходы и на те, что вторично используются для строительства полигонов¹. Кроме того, налог не подлежит уплате, если для данного вида отходов в принципе не существует каких-либо способов утилизации и возможно только захоронение.

За 20-летнюю историю практики применения данного закона появилось множество различных способов переработки и утилизации. Наряду с запретом на захоронение органики и с иными мерами он обеспечил широкое распространение использования вторичных ресурсов.

Оценивая эффективность данного налога как экономического инструмента регулирования, финские исследователи констатируют, что влияние, оказанное им на объёмы и характер утилизации, неодинаково для промышленных и твёрдых коммунальных отходов (ТКО). Они утверждают, что, благодаря налогу, основным способом утилизации промышленных отходов стала их переработка во вторичное сырьё, тогда как ТКО теперь используются по большей части как топливо для тепловых электростанций. Отмечая, что сжигание как способ утилизации не согласуется с концепцией циркулярной экономики, финские учёные делают вывод о том, что данный налог оказался менее эффективным в отношении ТКО и более эффективным в сфере обращения с промышленными отходами [7, с. 38].

¹ В данном случае конкретный способ вторичного использования должен получить одобрение соответствующего надзорного или разрешительного органа.

Налог на тару из-под напитков и залоговая система регулируются Законом об акцизе на некоторые виды тары из-под напитков 1037/2004, Законом об отходах 646/2011 и Постановлением Правительства Финляндии о залоговой системе для некоторых видов тары из-под напитков 526/2013. Целью введения акциза являлось сокращение объёмов использования одноразовой тары для напитков, тогда как ЗС позволяет стимулировать её вторичное применение.

В Финляндии налог распространяется на не утилизируемую в рамках ЗС тару из-под воды, лимонадов, соков, алкогольных, солодовых, кофейных, чайных, спортивных и других безалкогольных напитков. Материал, из которого изготовлена тара, не имеет значения, за одним исключением: акцизом не облагаются картонные упаковки. Освобождена от него и продукция малых производств. Сумма налога сейчас равна 51 евроценту за литр упакованного напитка [2].

Создание новой ЗС или присоединение к уже существующей позволяет производителю напитков утилизировать в рамках неё тару и не платить акциз. В Финляндии существует три авторизованных ЗС, принимающих новых членов: Suomen Palautuspakkaus Oy, Palpa Lasi Oy и Ekopulloyhdistys. Для организации новой ЗС необходимо подать заявление в Центр экономики, транспорта и окружающей среды (ELY-keskus) региона Пирканмаа и уплатить причитающуюся пошлину.

Сумма залога, возвращаемого за принятую к утилизации тару из-под напитка, определяется в соответствии с Постановлением Правительства 526/2013 и зависит от материала тары и её объёма [7, с.39].

На практике работа ЗС в Финляндии построена следующим образом: физическое или юридическое лицо, приобретшее напиток, может вернуть использованную тару из-под него, если на этикетке стоит соответствующий знак с суммой возвращаемого при сдаче залога. Пункты приёма организуются на точках розничной торговли, а также на предприятиях, где достаточно велики объёмы собираемой тары. Сбор осуществляется при помощи специальных автоматов или же вручную.

Автоматы осуществляют первичную сортировку тары и, кроме того, регистрируют акты сдачи и подлежащую уплате сумму залога, которую оператор ЗС впоследствии компенсирует сдающей организации.

Если автомат устанавливается на точке розничной торговли, он используется непосредственно покупателями. В таком случае после каждого акта приёма тары автомат печатает чек на сумму указанного на этикетке напитка залога. Чек выступает в роли платёжного средства в магазине, где была произведена сдача, то есть покупатель может воспользоваться им на кассе, уменьшив таким образом сумму своих покупок на размер залога, полученного за сданную тару. Оператор залоговой системы впоследствии компенсирует магазину и сумму залога, и связанные со сдачей тары операционные издержки.

В сегменте HoReCa сдачу производит сама организация. Основное назначение автомата при этом состоит только в облегчении процессов учёта и начисления компенсаций.

В случае отсутствия автоматов приём и учёт ведутся сотрудниками сдающей организации самостоятельно.

Вывоз сданной тары с пункта приёма осуществляется производителем напитков, как правило, вместе с завозом их новой партии. Тара, утилизируемая в рамках ЗС, может либо наполняться повторно, либо, что чаще, использоваться в качестве вторичного сырья.

В Финляндии налог на тару из-под напитков и ЗС оказались очень эффективными средствами стимулирования: доля возвращаемой алюминиевой тары в 2018 году составила 95%, пластиковых бутылок — 90%, стеклянных бутылок (не наполняемых вторично) — 88% [4]. Подобный успех может в будущем привести к расширению номенклатуры отходов, утилизируемых в рамках ЗС. Предлагается, в частности, принимать таким образом другие виды упаковки товаров, определённые категории опасных отходов (моторное масло, свинцовые аккумуляторы), электроприборы. Впрочем, в данном случае обостряются и недостатки ЗС. К

примеру, растут издержки, возникающие из-за дублирования ею системы раздельного сбора ТКО, а также расходы, связанные с «проблемой безбилетника», когда в рамках национальной ЗС утилизируются товары, приобретённые за границей.

Кроме того, обсуждается распространение налога на тару и на другие виды упаковки. В их число могут попасть, например, бумажные и полиэтиленовые пакеты и плёнка ПВХ [7, с. 40].

Сборы за вывоз и утилизацию отходов. При расчёте сборов за вывоз и утилизацию отходов в Финляндии используется принцип Pay-As-You-Throw (РАУТ), в соответствии с которым размер сбора тем больше, чем больше отходов вывозится. Если они при этом не сортированы, плата обычно выше.

Базой для определения стоимости вывоза и утилизации служат объём контейнеров для отходов и количество их опорожнений за определённый период времени. Традиционно в качестве оснований для расчётов также используются масса отходов, количество вывозимых стандартных мешков, количество проживающих в здании, к которому относится площадка для сбора², и другие показатели. Кроме того, цена вывоза и утилизации зависит и от типа отходов. Так, тариф для органических отходов, как правило, ниже, чем для смешанных [7, с. 37].

Сбор за вывоз устанавливается либо муниципалитетом по результатам открытого тендера, либо компанией, осуществляющей перевозку, если заказчиком выступает непосредственный владелец недвижимости (домоуправление). Стоимость же утилизации определяется в любом случае муниципалитетом [3, с. 21].

Несмотря на то, что эффективность данного инструмента регулирования в целом оценивается экспертами достаточно высоко, финские исследователи указывают на ряд его недостатков. Например, в многоквартирных домах сборы за вывоз и утилизацию ТКО, как правило, не выводятся в отдельную графу. Кроме того, суммы сборов представляют собой значения, усреднённые на количество

² Последний показатель иногда используется и в Финляндии.

жильцов. В результате действия этих двух факторов у отдельных домохозяйств в многоквартирных домах не возникает стимулов для организации у себя более эффективного обращения с отходами.

Другой проблемой является неоптимальный выбор базы для определения размера сборов за вывоз и утилизацию. В Финляндии они рассчитываются на основании объёма контейнеров и количества их опорожнений за определённый промежуток времени, тогда как более правильным, вероятно, было бы ориентироваться в основном на массу вывозимых отходов [7, с. 38].

Подводя итоги, отметим, что в целом результативность применяемых в Финляндии экономических инструментов стимулирования эффективного обращения с отходами является очень высокой. Впрочем, необходимо помнить, что добиться подобного успеха страна сумела, задействуя экономические меры в комплексе с методами административного и информационного характера, а также активно иницируя добровольные соглашения собственников отходов. Иными словами, экономические инструменты являются необходимыми, но не достаточными мерами для достижения высокого уровня эффективности обращения с отходами в стране или регионе.

Список источников и литературы

1. 2018 EPI Results // Environmental Performance Index. URL: <https://epi.envirocenter.yale.edu/epi-topline> (дата обращения: 01.02. 2020).
2. Finlex. URL: <https://www.finlex.fi/> (дата обращения: 11.01. 2020).
3. Piippo S. Municipal solid waste management in Finland. Thule Institute. 2014, 57 pg. URL: https://www.researchgate.net/publication/276061325_Municipal_solid_waste_management_in_Finland (дата обращения: 01.02. 2020).
4. Suomen palautuspakkaus oy (Palpa). URL: <https://www.palpa.fi/> (дата обращения: 02.02. 2020).

5. Suomen virallinen tilasto (SVT): Jätetilasto [verkkojulkaisu]. ISSN=1798-3339. Helsinki: Tilastokeskus [viitattu: 8.4.2020]. Saantitapa: <http://www.stat.fi/til/jate/index.html> (дата обращения: 01.03. 2020).
6. Suomi WHO:n ilmanlaatuilaston kärjessä // Ilmatieteen laitos. URL: <https://www.ilmatieteenlaitos.fi/tiedote/524194286> (дата обращения: 01.02. 2020).
7. *Tikkanen S., Antikainen R, Kautto P., Salmenperä H.* Katsaus kiertotalouden mahdollisiin taloudellisiin ohjauskeinoihin. SYKE, Valtioneuvoston selvitys- ja tutkimustoiminta, 2018, 67 s. URL: <http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/160538/4-2018-Katsaus%20kiertotalouden%20mahdollisiin%20taloudellisiin%20ohjauskeinoihin.pdf> (дата обращения: 01.02. 2020).

**«РУССКИЙ ФАКТОР» В СТАНОВЛЕНИИ ФИНСКОЙ НАЦИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ДРУГОГО»
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

**"THE RUSSIAN FACTOR" OF THE FINNISH NATION BUILDING:
FORMING THE IMAGE OF THE "OTHER"
(TO THE PROBLEM STATEMENT)**

Лиман Игорь Геннадиевич
Магистратура «История стран Северной Европы»,
Петрозаводский государственный университет
[*igorrlim@gmail.com*](mailto:igorrlim@gmail.com)

Igor G. Liman
MA in Nordic history,
Petrozavodsk State University
[*igorrlim@gmail.com*](mailto:igorrlim@gmail.com)

Научный руководитель: к.и.н., доцент Такала И.Р.

Scientific supervisor: Irina R. Takala, PhD (History)

Аннотация: в статье ставится вопрос о влиянии образа русской нации как «Другого» для финской идентичности. Рассматривается возможность изучения образа «Другого» как Текста (интертекста) через исследование символов прошлого, которые демонстрируют амбивалентность финской идентичности: память о русско-шведских войнах на территории Финляндии («Pitkä viha», «Isoviha»), «политический реализм» Й. В. Снельмана.

Abstract: the article raises the question of the influence of the image of the Russian nation as "Other" for the Finnish identity. The article considers the possibility of studying the image of the "Other" as a Text (intertext) through the study of symbols of the past that demonstrate the ambivalence of the Finnish identity: the collective memory of the wars between Sweden and Russia on the territory of Finland ("Pitkä viha", "Isoviha"), "political realism" by J. V. Snellman.

Ключевые слова: история Финляндии, Pitkä viha, Isoviha, Й. В. Снельман, Ю. К. Паасикиви, образ Другого, культурный код.

Keywords: history of Finland, Pitkä viha, Isoviha, J. V. Snellman, J. K. Paasikivi, the image of the Other, cultural code.

Ни один национализм не развивается вне противостояния другому, а иногда и целому ряду других национализмов [4, с. 129], что связано с особенностями процесса формирования идентичности, который происходит в том числе за счет проведения различий между собой и тем, что воспринимается как внешнее [5, с. 20]. В таком случае возникает «Другой» по отношению к собственной группе, а граница между ними определяется через отсутствие той или иной особенности. Образ «Другого» не фиксирует какую-либо точку или порядок; он обладает множественностью, поэтому каждая его точка связана с другой [1, с. 12], где под точками следует понимать особенности «своей» группы. Они не существуют постоянно, их связи не являются заранее заданными [1, с. 30], а определяются только в момент конструирования образа. Такой образ может быть разрушен в каком-либо месте, но он возобновляется, потому что ему не требуется крепкое основное единство [1, с. 9]. Соответственно, образ «Другого» образует ризоматическое пространство, которое включает в себя бесчисленное количество смысловых пластов.

Компоненты образа «Другого» связаны друг с другом, но не обладают единой природой – это крайне сложная игра разных режимов знаков, которые образуют единое пространство без «начала» и «конца»; существует только «середина», которая не обладает иерархией и предустановленными связями [1, с. 37–38] – это замкнутая, но хаотичная бесконечность – паутина отсылок и связей. В таком случае фиксация образа «Другого» в какой-либо точке возникновения смысла – это разрыв бесконечности связей между ними, что приводит к утрате части из совокупности присутствующих одновременно смыслов, свобода существования которых – «кочевание» – обеспечивает их производство и восприятие. В этом смысле образ «Другого» является текстом, который представляет собой пермутацию других текстов – интертекстуальность [2, с. 136].

Образ «Другого» стал одной из важных составляющих «великого рассказа» финской нации, где его основная задача – подчеркнуть ее отличительные особенности в противопоставлении «Другому», место которого занимает конкурирующая нация. В роли «Другого» выступили ближайшие соседи Финляндии – Швеция и Россия, которые в этом статусе оказали значительное влияние на формирование финской идентичности. В свою очередь, в основе демаркации двух групп – наций – лежат не «объективные» культурные различия, а способ активизации символов, когда любое различие может получить политическое значение и стать элементом, выполняющим функцию разграничения идентичностей [5, с. 67].

Важную роль в становлении финской идентичности сыграла память о трагических событиях на территории Финляндии во время многочисленных русско-шведских войн, одним из эпизодов которых является период русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714–1721 гг.) – в финляндской историографии XIX века он получил название «Isoviha» (дословно «Большая ненависть»). Опыт изучения исторической памяти о периоде «Isoviha» показал, что в своем символическом значении он обладал не только мощной объединительной силой, но также указывал на историческую враждебность между русскими и финнами. Важным элементом периода «Isoviha» как символического целого стали финские партизаны – кивикесы (кивики), образ которых задал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу – финской нации [3, с. 215]. Таким образом, период «Isoviha» в своем символическом значении является одним из компонентов образа «Другого», в рамках которого он связан с другими его составляющими.

Если обратиться к содержанию образа другой русско-шведской войны на территории Финляндии – «Pitkä viha» (1570–1595 гг.), то мы видим не только общность образа в исторической памяти финнов, но даже полулегендарных действующих лиц, которые встречаются как в событиях периода «Isoviha», так и

«Pitkä viha». В данном случае речь идет о партизане Лаурукайнене, который боролся против русских солдат на территории Финляндии [11, s. 190–191]. Соответственно, образ русско-шведских войн в исторической памяти финнов необходимо рассматривать как символическую общность, которая утверждала восприятие русских в качестве исторического врага и основного источника опасности. Подчеркну, что речь идет не о существовании естественной ненависти к русским, а об образе, в рамках которого события прошлого использовались в соответствии с требованиями времени, что было связано с наступлением на автономию Великого княжества Финляндского в начале XX века, а затем с целью защитить независимость Финляндии и объединить нацию после окончания Гражданской войны. Финны опасались, что Россия может разрушить их недавно завоеванную независимость, поэтому ненависть к русским рассматривалась как одно из средств защиты, которое способствовало поддержанию «психологической готовности к войне». К тому же она выполняла функцию укрепления национальной идентичности; потребовался новый патриотизм, чтобы заменить его традиционный вариант, который возник в XIX веке и основывался на доверии и любви к царю [10, p. 246].

Еще в 1919 году Вяйне Войонмаа заметил: «Отношения между Финляндией и Россией являются особенными, потому что они никогда не были одинаковыми, а допускают двоякое толкование. Здесь [в Финляндии] можно услышать громкий разговор о русских как наследственном враге и увидеть, как воздвигаются памятники в честь императоров России» [9, p. 11]. Соответственно, амбивалентность идентичности [5, с. 153] подразумевает наличие совершенно различных репрезентаций русской нации как «Другого», истоки которых следует искать в процессе формирования «великого рассказа» финской нации. Важно обратить внимание не только на структуры, которые с первого взгляда могут показаться неизбежно данными, но также на другие, менее заметные, однако на длительной исторической дистанции весьма значимые, потому что всякий

очевидный, как представляется, дискурс тайно покоится на уже-сказанном; и это уже-сказанное является, может быть, не просто уже произнесенным предложением, уже написанным текстом, но «когда-то произнесенным» [8, с. 69]. В таком случае необходимо обратить внимание на «политический реализм» Й. В. Снельмана, который предложил альтернативный образ «Другого», исключая компонент «ненависти» к России.

В 1863 году под влиянием польского восстания Й. В. Снельман опубликовал статью «Война или мир для Финляндии?», в которой призвал финнов сохранять лояльность императору, а также предостерег от распространения антироссийских взглядов, которые могут разрушить доверительные отношения и стать причиной политической напряженности [9, р. 278–279]. Он считал, что необходимо соизмерять свои действия с историческими условиями и продвигаться вперед настолько, насколько позволяет момент [7, с. 75]. В основе такого подхода лежит миролюбивая и гибкая восточная политика, которая исходит из убеждения, что необходимо избегать открытого конфликта как способа разрешения существующих противоречий. Данной стратегией руководствовался Ю. К. Паасикиви, который является отцом-основателем внешнеполитического курса Финляндии после 1944 года. В настоящее время такой подход не утратил своего значения, но подвергся некоторым изменениям, а также вновь заявили о себе его противники [9, р. 279–280].

Под влиянием результатов Второй мировой войны для Финляндии в сочетании с некоторыми другими факторами произошли изменения в национальном нарративе, что нашло свое отражение в содержании образа «Другого»: компоненты «ненависти» были подвергнуты забвению, но актуализированы другие – прямо противоположные. В данном контексте важно обратить внимание на мысль Алейды Ассман о наличии двух видов памяти – функциональной и накопительной; если первая формирует коллективные субъекты – нации – через конструирование ими своего прошлого, то вторая содержит нейтральные для идентичности предметные

знания [6, с. 95–96]. Функциональность бесчисленного количества компонентов образа «Другого» – Текста (интертекста) – определяет культурный код «читателя», дешифровка которого является ключом к его пониманию.

Таким образом, формируемые образы прошлого – их актуализация и забвение – оказывают значительное влияние на поведение человека, поэтому важно исследовать образ русской нации как «Другого» для финской идентичности. Ключом к пониманию образа «Другого» в определенный исторический момент является культурный код «читателя», что особенно заметно в моменты его «разрыва» – смены (либо трансформации), а способ дешифровки культурного кода – исследование символов прошлого. В таком случае необходимо обратить внимание на те символы, которые демонстрируют амбивалентность финской идентичности: память о русско-шведских войнах на территории Финляндии («Pitkä viha», «Isoviha»), «политический реализм» Й. В. Снельмана.

Список источников и литературы

1. *Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ф. Гваттари, Ж. Делез ; пер. с фр. Я. И. Свирского. – Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. – 895 с.
2. *Кристева Ю.* Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева ; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. П. Нарумова. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 656 с.
3. *Лиман И. Г.* «Isoviha» в исторической памяти Финляндии [Электронный ресурс] / И. Г. Лиман // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019. – Вып. 4. – С. 206–217. – URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=1409>. – (29.06.2020).
4. *Миллер А. И.* Нация, или Могущество мифа / А. И. Миллер. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 146 с.

5. *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн ; пер. с англ. В. Б. Литвиновой, И. А. Пильщикова. – Москва : Новое издательство, 2004. – 336 с.
6. *Сафронова Ю. А.* Историческая память: введение / Ю. А. Сафронова. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.
7. *Такала И. Р.* Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / И. Р. Такала. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 84 с.
8. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная академия» ; Университетская книга, 2004. – 416 с.
9. *Kangas A.* The knight, the beast and the treasure: a semeiotic inquiry into Finnish political imaginary on Russia, 1918–1930s / A. Kangas. – Tampere : Tampere University Press, 2007. – 321 p.
10. *Klinge M.* The Finnish tradition: essays on structures and identities in the North of Europe / M. Klinge. – Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1993. – 264 p.
11. *Snellman A. H.* Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä / A. H. Snellman. – Helsinki, 1887. – 287 s.

**ПОЗИЦИЯ ШВЕЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СОВЕТСКО-
ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ (сентябрь 1944 г. – апрель 1948 г.)
SWEDEN'S POSITION IN THE POST-WAR SETTLEMENT
OF THE SOVIET-FINNISH RELATIONS (1944 – 1948)**

Садомцева Анна Романовна
исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
[*sadomtzeva-ann@mail.ru*](mailto:sadomtzeva-ann@mail.ru)

Anna R. Sadomtseva
Faculty of History of Lomonosov Moscow State University
[*sadomtzeva-ann@mail.ru*](mailto:sadomtzeva-ann@mail.ru)

Научный руководитель: к.и.н., доцент, зам. зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Корунова Е. В.

Scientific supervisor: Evgeniya V. Korunova PhD (History)

Аннотация:

Статья посвящена позиции Швеции в развитии отношений между СССР и Финляндии в 1944 – 1948 гг. Проанализированы особенности участия шведского руководства в урегулировании отношений между двумя странами в указанный период. В работе также рассматривается, каким образом развивался внешнеполитический курс Швеции под влиянием советско-финляндских отношений в первые послевоенные годы.

Abstract:

This work centres around the position of Sweden in the relations between the USSR and Finland in 1944–1948. It has analyzed the specificity of the Swedish participation in the settlement of relations between the two countries on three steps. The impact of the Soviet-Finnish relations on the foreign policy of Sweden is examined.

Ключевые слова: СССР, Финляндия, Швеция, советско-финляндские отношения, советско-шведские отношения

Key words: USSR, Finland, Sweden, Soviet-Finnish relations, Soviet-Swedish relations

Накануне Второй мировой войны, в мае 1938 г., Швеция совместно с другими скандинавскими странами и Финляндией подписала декларацию о нейтралитете [5, с. 11]. Из всех участников договора лишь шведскому государству удалось избежать вовлечения в войну. Тем не менее, на протяжении долгих пяти лет шведы опасались быть втянутыми в военные действия. Особенно шведов волновала ситуация, связанная с тем, что братский народ – финны – дважды оказывался участником военных конфликтов с Советским Союзом: во время «зимней войны» 1939 – 1940 гг. и «войны-продолжения» 1941 – 1944 гг.

Обе войны показали, что советско-финляндские отношения оказали влияние на судьбу Швеции и поставили под угрозу ее нейтралитет, сохранять который в годы Второй мировой войны представлялось крайне трудновыполнимой задачей. Чтобы избежать втягивания в войну, в интересах самой нейтральной Швеции стало урегулирование конфликта между СССР и Финляндией как можно быстрее.

Нормализация отношений двух стран – Финляндии и СССР – заняла несколько лет. Построить добрососедские отношения было непросто, с учетом советско-финляндских противоречий, продолжавшихся вплоть до 1944 г. От развития отношений между советским и финским государствами, отчасти, зависело положение и Швеции, и всего региона Северной Европы.

В 1944 г. Стокгольм выступил посредником в конфликте Москвы и Хельсинки. 19 сентября 1944 г. при участии шведской стороны было заключено Московское перемирие, которое стало первым шагом в послевоенном урегулировании советско-финляндских отношений. К СССР переходила территория Карельского перешейка с Выборгом, область Петсамо (Печенга), а также создавалась советская военно-морская база в районе Порккала-Удд на 50 лет [8, с. 344 – 346].

Московское перемирие 1944 г. было крайне необходимо шведам. На востоке от Швеции прекратилось советско-финляндское противостояние. Следовательно, уменьшилась опасность для Стокгольма быть втянутым в войну. Однако при всем желании поскорее покончить с финским участием на стороне Германии, Московское

перемирие для Швеции было все же не идеальным решением. В Стокгольме с тревогой отнеслись к некоторым условиям перемирия.

Во-первых, шведское руководство насторожил пункт о демократизации политической жизни в Финляндии. Пребывание в Хельсинки советской администрации способствовало активизации финских коммунистических сил. В Швеции предполагали, что тесное советско-финляндское взаимодействие приведет к установлению коммунистического правительства в Финляндии на выборах в марте 1945 г. [19, с. 340; 20, с. 275].

Во-вторых, тяжелые репарации ухудшали и без того сложное экономическое положение Финляндии после войны. Финны были важным экономическим партнером Швеции, поэтому от восстановления Финляндии частично зависело и экономическое благополучие шведов.

Наибольшее опасение в Швеции вызывали территориальные условия перемирия, по которому СССР передавался стратегически важный на Балтике Карельский перешеек. В Швеции понимали, что этот пункт является самым важным в советско-финляндском перемирии. Однако это не уменьшало опасение шведов относительно усиления СССР на Балтике. В Стокгольме учитывали недоверие Москвы к Швеции во время войны [17, с. 1]. Вследствие этого шведам необходимо было выстраивать более дружественный внешнеполитический курс по отношению к СССР.

Выход Финляндии из войны в 1944 г. и посредническая миссия Стокгольма показали, что Швеция может выполнить свои внешнеполитические задачи посредством решения «финского вопроса». Поэтому в Швеции хотели сохранить в дальнейшем возможность влияния на ход советско-финляндских отношений, как это было на завершающем этапе войны между двумя странами. Однако советское руководство не считало нужным присутствие Стокгольма в дальнейшем урегулировании отношений между СССР и Финляндией. Об этом заявил заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов шведскому послу в

Москве С. Седерблуму 3 октября 1944 г. Тогда В. Г. Деканозов сказал, что советское руководство считает неприемлемым какое-либо посредничество шведского правительства между финским правительством и советским. После заключения Соглашения о перемирии финское руководство может напрямую обратиться в Союзную Контрольную Комиссию, без посредничества третьих стран [1, с. 27 – 31].

Вместе с тем, шведское руководство не хотело оставаться в стороне от отношений Хельсинки и Москвы. После завершения советско-финляндской войны в сентябре 1944 г. Стокгольм выбрал тактику укрепления экономических отношений с Финляндией и СССР. Шведская сторона периодически снабжала Финляндию необходимым продовольствием [2, с. 412]. Помощь братскому финскому народу была важна для поддержания исторических шведско-финских связей. Кроме того, как было сказано выше, благополучие Финляндии как важного экономического партнера Швеции было необходимо для Стокгольма.

Немаловажной шведская помощь была для своевременной выплаты финнами репараций Советскому Союзу. Таким образом, шведы вновь показывали свою доброжелательность по отношению к советской стороне. Для завоевания еще большего доверия советского правительства осенью 1944 г. шведы предложили кредит СССР в размере 200 млн крон на выгодных для него условиях [3, с. 188; 12, с. 191; 13, с. 41]. Однако советская сторона предпочла отказаться. Тогда в декабре 1944 г. Швеция вновь обратилась к СССР с предложением о кредите на гораздо большую сумму – 1 млрд крон. Но и в этот раз советское правительство не приняло предложение Стокгольма [4, с. 342]. Переговоры о шведском кредите были отложены до весны 1946 г. Советско-шведский кредитный договор был подписан в октябре 1946 г. и стал самым крупным в истории отношений Москвы и Стокгольма [3, с. 221].

На дипломатическом уровне шведское руководство заняло двоякую позицию. С одной стороны, в Стокгольме видели необходимость в просоветской внешнеполитической линии Финляндии. Шведский посол в Москве С. Седерблум

писал, что в Москве должны верить в поддержку проводимой «линии Паасикиви» [15, с. 1], которая выражалась в доброжелательном отношении Финляндии к СССР. В Швеции видели, что финнам это удавалось делать. Шведский посол в Хельсинки Г. Бек-Фрис отмечал, что правительство Ю. К. Паасикиви прикладывало максимум усилий, чтобы внимательно выполнять условия Московского перемирия [16, с. 1]. Дружественные действия президента Финляндии К. Г. Маннергейма и премьер-министра Ю. К. Паасикиви по отношению к советскому правительству вызывали положительный отклик у шведского правительства.

С другой стороны, центральное место Советского Союза во внутренней и внешней политике Финляндии вызывало беспокойство шведов. Шведское руководство видело в этом отрыв финнов от Скандинавии. Стокгольм стремился сохранить связь Финляндии и скандинавских стран. Это нашло отражение в попытках шведского премьер-министра Т. Эрландера, которые были направлены на участие Финляндии в оборонительном союзе северных стран [11, с. 380]. Однако эти попытки не увенчались успехом.

После подписания Парижского мирного договора 1947 г. отчетливее проявился переход Финляндии в советскую сферу интересов. Это показали события, связанные с планом Маршалла 1947 г. Тогда в июле 1947 г. финскому руководству под давлением Москвы пришлось отказаться от экономической помощи США [6, с. 939; 14, с. 325]. Это означало еще большее отдаление Финляндии от Швеции, которая приняла помощь Соединенных Штатов.

Дальнейшее сближение Финляндии и СССР вызывало опасения в Швеции. Тревогу шведского руководства усилил советско-финляндский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он предполагал совместное отражение агрессии, направленной против одной из сторон. Подобные договоры были заключены советским руководством с Чехословакией в 1943 г., Югославией и Польшей в 1945 г. В феврале и марте 1948 г. предполагалось заключение соответствующих договоров с Румынией, Венгрией и Болгарией. Проект данного

соглашения СССР с Финляндией «висел в воздухе» после подписания Московского перемирия 1944 г. Однако оно могло быть подписано только после ратификации Парижского мирного договора 1947 г. финским правительством, что и произошло в сентябре 1947 г. [9, с. 67]. В феврале 1948 г. финская делегация прибыла в Москву для предварительных переговоров. 22 февраля 1948 г. И. В. Сталин отправил президенту Финляндии Ю. К. Паасикиви письмо, в котором содержалось предложение заключить пакт о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией [7, с. 5].

Шведское руководство внимательно следило за советско-финляндскими переговорами. Представители шведских политических и военных кругов считали, что данное соглашение может привести к вхождению Финляндии в советский блок [10, с. 83; 18, с. 57]. В Стокгольме также предполагали, что подобный договор мог поставить под сомнение нейтральный курс не только Финляндии, но и самой Швеции. Возможность потери Швецией и Финляндией своего нейтралитета подтолкнуло шведов к попытке повлиять на советское руководство с целью предотвращения подписания данного договора. Основой для воздействия на СССР стал непосредственно нейтральный курс Швеции и вероятность отказа от него в случае посягательства на независимость финнов. Ситуацию усугубляли попытки западных стран привлечь Швецию к Североатлантическому пакту.

Однако Советский Союз, в отличие от Запада, был заинтересован в исторически сложившемся внешнеполитическом курсе Швеции. Опасения шведов за нейтралитет их собственной страны и соседней Финляндии был учтен советской стороной при подписании советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 6 апреля 1948 г. В Москве уступили финской стороне по некоторым пунктам. Договор заключался на 10 лет, вместо предложенных советской стороной 20 лет. Финский военный ресурс использовался только для защиты собственной страны. Финское руководство ограничило сферу возможных консультаций с СССР. Они должны были проводиться только в случае самого нападения, а не угрозы

нападения. Финны подстраховали себя от чрезмерного вмешательства советского правительства, что могло происходить без финских корректировок о «возможных угрозах агрессии». В преамбуле соглашения подчеркивалось стремление Финляндии оставаться вне конфликта великих держав, если он случится [7, с. 6-8]. Таким образом, условия советско-финляндского соглашения 1948 г. подтверждали намерение советского руководства сохранить суверенитет Финляндии. Опасения Швеции за судьбу братского народа оказались напрасными.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. являлся завершающим шагом в послевоенном урегулировании советско-финляндских отношений. Он стал основой для внешнеполитического курса Финляндии второй половины XX в., получившего название «линия Паасикиви-Кекконена». Данный курс предполагал построение добрососедских отношений между Хельсинки и Москвой. Мирное взаимодействие двух стран стало залогом стабильности на севере Европы, в том числе, и для Швеции.

Список источников и литературы

1. АВП РФ. Фонд 06 «Секретариат В. М. Молотова». Опись 6. Дело 27. Папка 3. Том 3. Записи бесед тов. В. Г. Деканозова с иностранными представителями. Прием шведского посланника Седерблума 3.10.1944.
2. *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967.
3. *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М., 1964.
4. *Кен О. Н., Рупасов А. И., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы 1930 – 1950-е гг. М., 2005.
5. *Корунова Е. В.* Скандинавские страны накануне и в первые годы Второй мировой войны. В поисках формулы безопасности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 4 (58) [Электронный

- ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840001816-6-1/> (дата обращения: 11.05.2020);
6. *Рупасов А. И.* СССР и вынужденный отказ Финляндии от плана Маршалла // Новейшая история России. 2018. Т. 8, №4.
 7. Советско-финляндские отношения 1948 – 1983. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983.
 8. Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой//Внешняя политика Советского Союза в период Великой отечественной войны. Т. 2. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946.
 9. *Федоров В. Г.* Советский Союз и Финляндия: Добрососедство и сотрудничество. М., 1988.
 10. *Ehrensward C. A.* Vett och vilja: Studie över svenska försvarsprinciper. Stockholm, 1957.
 11. *Erlander T.* 1940 – 1949. Stockholm, 1973.
 12. *Hägglöf I.* Berätta för Joen: Mina år med ryssarna, 1943 – 1947. Stockholm, 1984.
 13. *Karlsson B.* Handelspolitik eller politisk handling: Sveriges handel med öststaterna 1946 – 1952. Göteborg, 1992.
 14. *Majander M.* The limits of sovereignty: Finland and the question of the Marshall Plan in 1947 // Scandinavian Journal of History, Vol. 19 (4). Stockholm, 1994.
 15. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Af Finsk svar på rysk protest efter 1 maj-incidenterna den 20.05.1946.
 16. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Af Kungl. Svenska Beskickningen. Beskickningens i Helsingfors halvårsrapport, avseende tiden 01.07.1945 – 15.01.46.
 17. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Er Kungl. Utrikes departementet. Politiska avdelningen Avdelningschefen den 5.10.1945.
 18. Riksdagens protokoll. Första kammaren. 1948. №5.

19. *Tingsten H.* Mitt liv. Mellan trettio och femtio. Stockholm, 1962.
20. *Wigforss E.* Minnen. D. III. Stockholm, 1954.

**ФЕМИНИЗМ В ПОЛИТИКЕ ИСЛАНДИИ:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
FEMINISM IN ICELANDIC POLITICS: PROGRESS AND PROSPECTS**

*Хачирова Лариса Руслановна
Магистратура ДА МИД России
larisahacirova@gmail.com*

*Larisa R. Khachirova
Master's Degree program of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia
larisahacirova@gmail.com*

Научный руководитель: к.полит.н., доцент Кулябина Л.Н.

Scientific supervisor: Lidiya N. Kulyabina, PhD (Political Science).

Аннотация: краткий анализ влияния феминистского движения на политику и законодательство Исландии – страны, где впервые в западной истории президентом была избрана женщина. Отмечается, что несмотря на лидерство в рейтингах гендерного равенства и системность внедрения норм и практик, в стране пока так и не разрешена проблема равной оплаты труда мужчин и женщин, насилия в отношении женщин и т.д.

Abstract: a brief analysis how the feminist movement influences on the politics and legislation of Iceland – a country where a woman was elected for presidency for the first time in western history. It is noted that despite the leadership in the ratings of gender equality and the systematic implementation of norms and practices, the problem of equal pay for men and women, violence against women, etc. has not yet been resolved.

Ключевые слова: Исландия, феминизм, права женщин, гендерное равенство, мировая политика.

Key words: Iceland, feminism, women rights, gender equality, world politics.

15 апреля 2020 года 90-летний юбилей отметила первая женщина-президент Вигдис Финнбоугадоттир. Сегодня Исландия – страна с наилучшими показателями

в сфере гендерного равенства, но так было не всегда. Да, историками доказано, что в эпоху викингов и мужчины, и женщины с Севера Европы участвовали в колонизации Англии, Шетландских и Оркнейских островов и Исландии во время миграций из Скандинавии. Ауд Мудрая – одна из ключевых участниц заселения Исландии в IX веке, ее имя упоминается в родословных ряда персонажей «родовых саг» [9]. Однако это был патриархальный строй. Пройдет более 900 лет, прежде чем Исландия встанет на путь решительных перемен. В 1975 году (провозглашен Международным годом женщин Генеральной Ассамблеей ООН) именно исландские женщины привлекли внимание общественности, когда организовали всеобщую забастовку, чтобы показать, насколько важной была недооцененная работа женщин. В забастовке приняло участие 90% населения Исландии женского пола.

На президентских выборах 1980 года женское движение приложило все усилия для избрания на должность женщины-президента. После долгих убеждений Вигдис Финнбоугадоуттир приняла участие в выборах, где ей предстояло соперничество с тремя кандидатами-мужчинами. Она была избрана с небольшим преимуществом голосов и стала первой женщиной в мире, избранной главой государства на демократических выборах. Вигдис Финнбоугадоуттир приобрела огромную популярность у себя на родине и впоследствии была переизбрана трижды: в 1984, 1988 и 1992 гг. В 1996 году она решила не баллотироваться на переизбрание и, покинув пост главы государства, возглавила Всемирный совет женщин-лидеров. Вигдис Финнбоугадоуттир послужила источником вдохновения для всех женщин, способствуя усилению роли женщины в обществе. Именно она провела решающий саммит между руководителем СССР Михаилом Горбачевым и Президентом США Рональдом Рейганом в 1986 году [3].

Права женщин гарантированы прогрессивным исландским законодательством. Закон о равном статусе и равных правах женщин и мужчин, принятый в 2000 году, был обновлен в 2008 году с целью достижения равных прав во всех парадигмах общества. В рамках закона определены девять областей гендерной дискриминации.

В нем выявляются различия между косвенной и прямой дискриминацией по признаку пола, признается разрыв в заработной плате, и что насилие по признаку пола наносит ущерб обществу. Закон содержит дорожную карту для достижения гендерного равенства, в том числе формулировки об изменении негативных гендерных стереотипов. Он состоит из 35 статей, в которых излагается конкретная политика по всем вопросам: от запрещения дискриминации по признаку пола в школьных учебниках и на рабочем месте до покупки товаров и услуг [13]. После крупнейшего финансового кризиса 2009 года правительство предприняло попытку привлечь больше женщин к власти, для повышения эффективности борьбы с коррупцией [12]. Статья 15 Закона о равном статусе и равных правах женщин и мужчин гласит, что любой совет директоров государственной власти, правительственный совет или комитет должен состоять из не менее 40% женщин. А Статья 23 предусматривает, что гендерное равенство должно быть включено во все образовательные программы в школах и университетах [4].

В Исландии самая прогрессивная политика в отношении материнства и отцовства. В 2006 году в Закон о материнстве / отцовстве и отпуске по уходу за ребенком были внесены поправки, увеличившие отпуск по уходу за ребенком с шести до девяти месяцев. Правительство покрывает отпуск по уходу за ребенком на рождение, усыновление и временную опеку для всех работников в Исландии, даже тех, кто работает не по найму, выплачивая 80% заработной платы родителям, ушедшим в декрет. Родители распределяют время отпуска так, чтобы о детях одинаково заботились оба родителя, а рабочие места были сбалансированы [10]. В июне 2011 года альтинг утвердил закон, согласно которому власти должны обеспечивать защиту жертвам бытового насилия, и совершенствующий положения Уголовного кодекса. В этом законе содержатся положения, разрешающие выдачу охрannого ордера стороне, обвиняемой в домашнем насилии. Начальник полиции принимает решение о необходимости данной меры, а районный суд должен его подтвердить в течение трех дней [11].

Эксперты Всемирного экономического форума опубликовали ежегодный «Отчет о гендерном неравенстве в мире по состоянию на 2020 год», в котором проанализировали положение женщин в 153 странах по четырем критериям: участие в экономической деятельности, доступ к образованию и здравоохранению и расширение политических прав. Исландия в очередной раз заняла лидирующие позиции, преодолев, согласно отчету, почти 88% гендерного разрыва. Эта североевропейская страна остается самой успешной в области расширения политических прав, благодаря значительной представленности женщин в парламенте (38,1%) и среди министров (40%). Кроме того, женщины составляют 43% членов совета директоров компаний. Тем не менее, разрыв в доходах и заработной плате женщин и мужчин все еще существует, что требует дальнейших политических изменений для достижения полного гендерного равенства [1],[7].

Тысячи исландок приняли участие 24 октября 2016 в демонстрации за равенство оплаты труда с мужчинами. По словам представительниц организаций по защите прав женщин, несмотря на высокий уровень гендерного равенства в стране, женщины по-прежнему получают в среднем на 14% – 18% меньше, чем мужчины. 1 января 2018 года вступил в силу закон, который предусматривает равную оплату труда мужчин и женщин. За нарушение закона компании будут штрафовать на сумму примерно 500 долларов США в день. Каждая компания, которая нанимает более 25 человек в штат, обязана получить специальный правительственный сертификат, который должен подтвердить равную оплату труда. Еще одна проблема – высокий уровень насилия в отношении женщин. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин критиковал исландские власти за недостаточное финансирование действий полиции по расследованию случаев торговли людьми, а также отсутствие преследований за преступления, связанные с торговлей людьми [2],[5].

В своей внешней политике правительство Исландии делает упор на сотрудничество со странами Северной Европы, Европейским союзом, вопросы

Арктики и устойчивое использование природных ресурсов. Не менее важным является международное сотрудничество в рамках Организации Объединенных Наций. Особое внимание уделяется правам человека, гендерному равенству, миру и безопасности, в частности, путем борьбы с нищетой, социальной несправедливостью, неравенством и голодом. Сотрудничество Исландии в области развития основано на Целях развития тысячелетия Организации Объединенных Наций. Особое внимание уделяется расширению прав и возможностей женщин в целом, а также, в частности, в отношении участия и доступа к принятию решений в области смягчения последствий и адаптации к изменению климата и в мирных процессах. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин является необходимым условием для развития, в том числе для экономического прогресса [16]. На этом базируется Государственная стратегия по выполнению Резолюции Совета Безопасности ООН №. 1325 о женщинах, мире и безопасности. Положение женщин наиболее уязвимо в областях вооруженного конфликта, где происходит миростроительство или где действует чрезвычайное положение, например, после стихийных бедствий.

Исландия приняла свою первую Государственную стратегию в 2008 году, нынешняя – третья по счету – Стратегия была разработана на пятилетний период (2018–2022 годы). Ответственность за ее выполнение лежит на Министерстве иностранных дел. Исландия за последнее время не сталкивалась с какой-либо внешней вооруженной угрозой, но является ключевым участником миротворческих миссий ООН, миссий НАТО и поставщиком гуманитарной помощи. Двустороннее сотрудничество в области защиты и расширения прав женщин Исландия осуществляет, в первую очередь, на южноафриканском и ближневосточном направлении. За него ответственно Исландское агентство международного развития (ICEIDA) – отдельный институт под эгидой Министерства иностранных дел Исландии [14].

Внутри страны действует ряд феминистских объединений. Среди них: Feministafélag Íslands – исландская феминистская ассоциация, основанная 14 марта 2003 года. Организация борется за гендерное равенство в широком смысле [6], Ассоциация по защите прав женщин Исландии – одна из старейших общественных организаций страны, основанная в 1907 году суфражисткой Бриет Бьернединсдоуттир для содействия прогрессу женщин в исландском обществе: в политике, бизнесе, образовании и культуре (ассоциация издает журнал «19 июня», один из старейших журналов в Исландии, который публикуется ежегодно с 1951 года [8]), а также RÍKK –ведущий институт в области исследований прав женщин, гендерных проблем и вопросов равенства в Исландии (основан в 1991 году, содействует проведению междисциплинарных исследований в области гендера и широкому распространению результатов исследований и важной информации) [15].

Феминизм присутствует в Исландии на всех уровнях внутренней и внешней политики. Широкое использование термина «гендерное равенство» не должно вводить в заблуждение относительно актуальности исследования влияния движения за права женщин на исландскую политику. У некоторых экспертов сложилось мнение, что все социальные проблемы Исландии были решены «второй волной» феминизма. Рискну не согласиться с этой точкой зрения. Именно сплоченность и активизм исландских феминисток являются на сегодняшний день основными двигателями политического прогресса страны в области расширения прав женщин. Руководство страны признает, что Исландии еще предстоит долгий путь для преодоления гендерного разрыва, поэтому системно имплементирует в законодательство меры по его искоренению.

В условиях пандемии коронавирусной инфекции и последовавшего вследствие экономического кризиса именно женщины оказались в наиболее уязвимом положении (женщины-врачи и медсестры на передовой борьбы с коронавирусом; всплеск бытового насилия во всех странах мира; нарушение репродуктивных прав женщин и т.д.). Кроме того, охватывающие все большее количество стран протесты

в поддержку движения «Black Lives Matter» с большой долей вероятности сместят фокус на права WOC, в том числе и в странах Северной Европы. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что повестка дня исландских феминисток только расширяется.

Список источников и литературы

1. О ситуации с правами человека в отдельных странах. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доклад, 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/4025481#13 (дата обращения: 22.04.2020)
2. A. G. *Rúdólfsdóttir*. Iceland is great for women, but it's no feminist paradise, 2014. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/oct/28/iceland-women-feminist-paradise-gender-gap-pay> (дата обращения: 23.04.2020)
3. A. *Ísleifsson*. Vigdís Finnbogadóttir er níraeð í dag, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.visir.is/g/2020146139d/vig-dis-finn-boga-dottir-er-ni-raed-i-dag> (дата обращения: 20.04.2020)
4. Act on Equal Status and Equal Rights of Women and Men No. 10/2008. Ministry of Welfare. [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.is/lisalib/getfile.aspx?itemid=90bec9b4-0275-11e8-9425-005056bc530c> (дата обращения: 25.04.2020).
5. C. *England*. Iceland's women leave work at 2.38pm to protest gender pay gap. The Independent, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/iceland-women-protest-strike-gender-pay-gap-leave-work-early-a7378801.html> (дата обращения: 23.04.2020).
6. *Femínistafélag Íslands*. Áttavitinn, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://attavitinn.is/samfelagid/feministafelag-islands/> (дата обращения: 25.04.2020).

7. Global Gender Gap Report 2020. World Economic Forum, 2019. P. 27. [Электронный ресурс] URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (дата обращения: 22.04.2020)
8. Kvenréttindafélag Íslands. [Электронный ресурс] URL: <http://kvenrettindafelag.is/> (дата обращения: 25.04.2020)
9. Laxdæla saga. [Электронный ресурс] URL: https://www.sagadb.org/laxdaela_saga.is (дата обращения: 25.04.2020)
10. Lög um fæðingar- og foreldraorlof nr. 95. Alþingi, 2000. [Электронный ресурс] URL: <https://www.althingi.is/lagas/nuna/2000095.html> (дата обращения: 20.04.2020)
11. Lög um nálgunarbann og brottvísun af heimili nr. 85. Alþingi, 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.althingi.is/lagas/150b/2011085.html> (дата обращения: 23.04.2020)
12. *M. Murphy*. Creating gender equity: Lessons from Iceland, 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/04/20134274739879996.html> (дата обращения: 23.04.2020)
13. *M. Werft*. Seven laws that show why Iceland ranks first for gender equality, 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.globalcitizen.org/en/content/7-iceland-feminist-law-women/> (дата обращения: 20.04.2020).
14. National Action Plan: Iceland. Women's International League for Peace and Freedom. [Электронный ресурс] URL: <https://www.peacewomen.org/nar-iceland> (дата обращения: 24.04.2020).
15. RIKK – Rannsóknastofnun í jafnréttisfræðum. Háskóli Íslands. [Электронный ресурс] URL: <https://rikk.hi.is/> (дата обращения: 25.04.2020)
16. Tillaga til þingsályktunar um stefnu um alþjóðlega þróunarsamvinnu Íslands 2019–2023. Utanríkisráðherra Guðlaugur Þór Þórðarson, Alþingi, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.althingi.is/altext/149/s/0416.html> (дата обращения: 24.04.2020).

THE IMAGE OF TROLLS IN THE GRAPHIC NOVEL SERIES HILDAFOLK

ОБРАЗ ТРОЛЛЕЙ В СЕРИИ ГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ ХИЛЬДАФОЛК

Emma Niemi,

MA in Nordic History, Petrozavodsk State University,

[*kivameowth@gmail.com*](mailto:kivameowth@gmail.com)

Ниemi Эмма Эрнестовна,

Магистратура «История стран Северной Европы»,

Петрозаводский Государственный университет,

[*kivameowth@gmail.com*](mailto:kivameowth@gmail.com)

Scientific supervisor: Alexandr V. Tolstikov, PhD (History).

Научный руководитель: к.и.н., доцент Толстикова А.В.

Abstract: paper covers supernatural creatures inhabiting mountains and woods and bearing the name troll. A researcher reveals intertextual references of the image, borrowed by a British cartoonist Luke Pearson to Old Norse myths, Scandinavian medieval and Early modern narratives, folk legends and beliefs pointing out five peculiarities.

Key words: trolls, Scandinavian folklore, Hilda, supernatural.

Аннотация: исследование посвящено изучению образов сверхъестественных существ, носящих имя тролль, в современных комиксах. Автор выявляет интертекстуальные отсылки образа, использованного британским иллюстратором Люком Пирсоном, к Древнескандинавским мифам, текстам Средневековья и Раннего нового времени, народным легендам и верованиям Северной Европы, отмечая пять черт.

Ключевые слова: тролли, Скандинавский фольклор, Хильда, сверхъестественное.

Introduction

The article covers the trolls' image constructed in a graphic novel series for childhood Hildafolk as a widespread one in Old Norse myths, Scandinavian medieval and Early modern narratives, fairytales as well as folk legends and beliefs.

The creator of Hildafolk is a British cartoonist Luke Pearson. He drew heavily on Scandinavian folklore [22; 33]. He is aware of the Norse oral traditions since childhood. Although it is a common trait of British writers to use Norse motifs [7; 9; 14; 17; 23; 27; 29; 30; 34] Martin Wettstein points that “England itself had no own mythology” [34, P. 1].

Legends and Beliefs

A Finnish researcher Camilla Asplund Ingemark adopting the Elisabeth Hartmann’s point claims that legends “originate in actual emotional experiences” of troll’s encounter [3, P. 13]. Applying the Alexei Losev’s conception of mythological consciousness beliefs don’t seem unreal or fantastic but provide “the most ingenuous and even emotional existence” [21, P. 9, 31]. Whereas fairytales, for example, on the contrary possess more fictive traits [3, P. 13]. Another point is legends’ simplicity and fluid structure as unmediated utterances of everyday life. They represent primary generic quotations and according to Mikhail Bakhtinian theory are woven in the canvas of more complicated and highly developed cultural communication as tales, sagas, myths and Hildafolk are [4, P. 251-252; 18, P. 130; 31, P. 184].

Methodology

Intertextual analysis is a perfect tool to analyze an image of trolls. Another Finnish researcher Lotte Tarkka claims based on Mikhail Bakhtinian model of utterance [5, P. 71-72] and Julia Kristeva’s notion of words and texts intersection [19, P. 66] that folklore being an epic universe is an “intertextual network of the oral corpus” that is characterized by density and permeability [32, P. 52-53]. An independent meaning of the whole Hildafolk’s text as well as of the troll’s image is an illusion as Luke Pearson constructs and readers perceive according to their interpretations. That is pure intertextuality [1, P. 1, 3].

The term

In the Middle Ages occurred a variety of troll’s connotations: strong / large / ugly people, evil spirits, ghosts, magical boars, heathen demi-gods, demons, berserks, witches, sorcerers, hags and giants [3, P. 7-9; 15, P. 18; 16, P. 52, 54]. Some of them are still used in scholarship discourse though a modern term troll as “a supernatural creature inhabiting

the forest and bearing this specific name” is constructed by folklorists of nineteenth century [3, P. 86]. Luke Pearson holds on this definition.

Another reason for juxtaposing is that translations can't “capture all of the nuances of the original language” [10, P. 101-102]. Olaus Magnus in his History of the Northern People called “the stone markers along the road” giants [20, P. 298]. In Icelandic and English versions of Grettir's Saga is used the term troll whereas in Russian text giant [11, 16. kafli; 12/13, Chap. 16; 26, XVI].

Troll Rock

“Hey.. this rock.. It kind of looks like.. like... A Troll Rock!” [25]. Hilda, a main hero of Hildafolk, encounters a troll that is a stone. In Scandinavian beliefs supernatural beings represent the power of nature and a huge unusual bulging rock formations considered to be trolls [20, P. 299]. For example, when “the first rays of dawn appeared” a troll-woman “was turned to stone” [20, P. 312] or “it is a sudden death to night-trolls if day breaks upon them” as “each of them became a pillar of stone” [8, P. 62]. In Grettir's Saga when a troll-wife fought “the day dawned on her” and “there she stands yet on the cliff, a rock in the likeness of a woman” [12, Chap. 65].

Dwelling

“Wait... You're the troll from inside the mountain!”, exclaims Hilda's mother in one of the episodes [24]. In legends “a herding girl disappeared in the summer pasture” and was “taken into the mountain” [20, P. 212]. Spacial organization is always elaborated by “symbolic boundaries” that make Home the safe place and “a source of wisdom, power, and wealth” whereas otherworld is a threat. However people also combat trolls and capture their original inheritance. Trollberg, a Hilda's town, is an example. Therefore breaking boundaries from any side leads to “an endless, negotiatory dialogue” that is well illustrated by Luke Pearson [3, P. 117; 28, P. 133; 32, P. 73-74].

Bells

“Trolls can't stand the sound of a bell's toll” [25]. When Christianity came trolls having origin in the pagan past gained extra features. Trolls in Hildafolk experience the

huge inconvenience of a bell as a Christian artifact. Introduction of a new religion went better when unfamiliar symbols were associated with customary beliefs. Such confrontation also led to a better national history perception [2, P. 9-10; 3, P. 2]. When a troll heard the bell sound “she grew furious and ran away again with all her might” [8, P. 52]. In another narrative a giant / troll explained his escape from Norway that: “In Borgås Mountain it was good to dwell, except for the cow with the great big bell” [20, P. 310].

Sunlight

“By day, it’s nothing but a peculiar looking rock. But by darkness it takes the form of the fierce and powerful troll” [25]. The attitude towards sunlight is another specific trait illustrated by Luke Pearson. The idea reflects a separation of survival needs while sharing common inhabitant areas. Therefore the usage of resources restricted for people by daylight and for the trolls by night. It is like working in shifts [3, P. 87; 28, P. 111].

Legends tell about giants / trolls that were captured by the sun “and both the giant and the woman were turned to stone”. In another narrative a troll-woman looked to the east, “the first rays of dawn appeared, and she was turned to stone” [20, P. 312-313].

Changeling

“Hilda’s mum was surprised to find her daughter was not in her bed. Instead, in her place, there was an odd-looking child” [24]. A conception of changeling is a common one in all kinds of trolls’ narratives. It also has its roots in pre-Christian times. The idea of abduction marks trolls as opponents to the Us. If something weird and abnormal appeared in the child it was called a changeling. In legends we read “It was a boy, big and coarse. They said it was a changeling because it never learned to talk” [20, P. 211]. Luke Pearson made a changeling say only BA-BA-BA.

The most widespread motif to return a human child was standing in front of the flame and pretending to burn a troll-child [3, P. 131; 20, P. 209]. In the Hilda’s case the idea was transformed and looks vice versa: “simply returning them to their true mothers must have brought the spell full-circle” [24].

Conclusion

All the five peculiarities of trolls are reflected by Luke Pearson who's personal ideas and drives were provided, inspired and compiled by Scandinavian folk narratives, Old Norse myths and medieval texts from Northern Europe. Legends and beliefs written down in nineteenth century are the predominant sources making the intertextual net of Hildafolk full of "quotations without inverted commas" [6, P. 160]. The image of trolls in the novel is ambiguous and inherently unstable, moving from Norwegian traits in physical peculiarities to Swedish motifs of peaceful and friendly creatures. Trolls are solitary or collective supernatural beings; inhabiting mountains or woods; being big, ugly and creepy or humanlike and even beautiful; functioning as antagonists to humans or becoming helpers. [3, P. 7-9; 15, P. 17; 16, P. 54].

Trolls image is primarily implied to Scandinavian Folk-Lore [8, P. 41, 45, 48, 51, 56, 59, 62], Scandinavian Folk Beliefs and Legends [20, P. 206, 208-212, 299, 311-313] as well as in folklore narratives analyzed by Camilla Asplund Ingemark [3, P. 95, 102, 119, 125, 127-128, 129].

References

1. *Allen, G.* Intertextuality. London: Taylor and Francis Group, 2011.
2. *Asplund Ingemark, C.* Legends of Trolls and the Bible, E. Lore, 12/2, 2005,
3. *Asplund Ingemark, C.*, The Genre of Trolls. Åbo: Åbo Akademi University Press, 2004.
4. *Bakhtin, M. M.*, Estetika Slovesnogo Tvorchestva. Moskva: Iskusstvo, 1986.
5. *Bakhtin, M. M.* Speech Genres and Other Late Essays, tr. V. W. McGee. Austin: University of Texas Press, 1986.
6. *Barthes, R.* Image – Music – Text, tr. S. Heath. London: Fontana, 1977.
7. *Bence P.* Nordic and Germanic Myths and Legends in the Work of J. R.R. Tolkien. Osijek, 2014.

8. *Craigie, W. A.* Scandinavian folk-lore; illustrations of the traditional beliefs of the northern peoples. London: Paisley and Paternoster Square, 1896.
9. *Filippova, E. M.* Mifologichesky polifonizm v zikle romanov Joanne Rowling “Harry Potter” // *Gaudeamus Igitur*, 3, 2017, 31-32.
10. *Grant, T.* ‘The Problem of Giant Proportions’, *Gripla*, xxx. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar í Íslenskum Fræedum, 2019.
11. *Grettis Saga*. https://sagadb.org/grettis_saga.is, accessed 13 April 2021.
12. *Grettir’s Saga*, tr. *W. Morris & E. Magnusson*. 1900. https://sagadb.org/grettis_saga.en, accessed 13 April 2021.
13. *Grettir’s Saga*, tr. *G. H. Hight*, 1914. https://sagadb.org/grettis_saga.en2, accessed 13 April 2021.
14. *Härcher C.* Myths in “Harry Potter”. How Joanne K. Rowling Uses Real Mythology in her Novel. *GRIN Publishing*, 2014.
15. *Jakobsson, Á.*, *The Troll inside You: Paranormal Activity in the Medieval North*, *punctum books*, 2017.
16. *Jakobsson, Á.*, ‘The Trollish Acts of Þorgrímur the Witch: The Meanings of Troll and Ergi in Medieval Iceland’, *Saga-Book*, 32, 2008, 39-62.
17. *Khoddam, S.*, Balder the Beautiful: Aslan's Norse Ancestor in The Chronicles of Narnia, *Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoetic Literature*, 22/3, 1999, 66-76.
18. *Koski, K.* ‘The Legend Genre and Narrative Registers’, *Genre – Text – Interpretation. Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2016, 113-136.
19. *Kristeva, J.* Word, Dialogue, and Novel. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. L. S. Roudiez, ed., tr. T. Gora. New York: Columbia University Press, 1980.
20. *Kvideland, R. & Sehmsdorf, H. K., eds.*, *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*. Minneapolis / London: University of Minnesota Press, 1999.

21. *Losev, A. F.*, *Dialektika Mifa. Moskva: Mysl*, 1990.
22. *Mautner, C.* "I Wanted a Character Who Was Very Positive": An Interview with Luke Pearson, *The Comics Journal*, 19 September 2014.
23. *Patterson, N.-L.*, 'Narnia and the North: The Symbolism of Northernness in the Fantasies of C.S. Lewis', *Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoetic Literature*, 4/2, 1976, 9-16.
24. *Pearson, P.* *Hilda and the Mountain King*. London: Nobrow Press, 2019.
25. *Pearson, P.* *Hilda and the Troll*. London: Nobrow Press, 2010.
26. 'Saga o Grettire'. tr. O. A. Smirnitskaya, *Islandskiye sagi*, i.
27. *Shtol, N. V.*, 'Germano-Skandinavskie Mifologicheskie Prototipy Klyuchevykh Personazhey Legendariuma J.R.R. Tolkiena', *Yazyk, Kultura, Perevod. Kommunikaziya*. Moskva: KDU, Dobrosvet, 2, 2018.
28. *Stark, L.* *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises. Ritual and the Supernatural in Orthodox Karelian Folk Religion*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2002.
29. *Šerešová, L.* *Norse Mythology References in "Harry Potter"*. GRIN Publishing 2016.
30. *Šerešová L.* *The Use of Mythological Elements in "The Chronicles of Narnia" by C. S. Lewis*. GRIN Publishing, 2017.
31. *Tarkka, L.* 'The Poetics of Quotation', *Genre – Text – Interpretation. Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2016, 175-199.
32. *Tarkka L.*, 'Transformations of Epic Time and Space: Creating the World's Creation in Kalevala-metric Poetry', *Oral Tradition*, 11/1, 1996, 50-84.
33. *Wagstaff, D.* 'Q & A with Luke Pearson', *The casual optimist. Books, Design and Culture*, 25 September 2013.
34. *Wettstein, M.* *Old Norse elements in the work of J.R.R. Tolkien*, *Academia.edu*, 5, 2012.

КРУГЛЫЙ СТОЛ 2021

СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАСТ И КРИЗИС COVID-19: РЕЗУЛЬТАТЫ КОРОНАВИРУСНОГО ГОДА

NORDIC EFTA MEMBER STATES AND COVID-19 CRISIS: THE RESULTS OF THE CORONAVIRAL YEAR

*Золотухин Василий Васильевич,
Третий секретарь,
Министерство иностранных дел Российской Федерации
vvzolutukhin@mid.ru*

*Vasily V. Zolotukhin,
Third Secretary,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow.
vvzolutukhin@mid.ru*

Аннотация: кризис, вызванный COVID-19, фактически изменил каждую сферу нашей жизни и, в том числе, затронул североевропейские страны-члены ЕАСТ. В 2020 г. власти Исландии и Норвегии разработали различные меры по смягчению последствий коронакризиса для общества и бизнеса. Одобренные программы прямой и косвенной поддержки отраслей и населения, а также необходимые коррекции в фискальной и денежно-кредитной политике призваны достичь мультипликативного эффекта в деле решения насущных экономических и социальных вызовов государства при преодолении пандемических проявлений.

Abstract: the crisis caused by COVID-19 has virtually changed every sphere of our life and, in particular, has affected the Nordic EFTA member states. In 2020 the authorities of Iceland and Norway have elaborated a wide range of measures to mitigate the impact of the coronavirus crisis on society and business. The adopted programmes of direct and indirect support for industries and population, as well as the necessary adjustments in fiscal and monetary policy, have been designed to achieve the multiplier

effect in solving the pressing economic and social challenges of the government while overcoming the pandemic manifestations.

Ключевые слова: ЕАСТ, зарубежный опыт, меры по поддержке, COVID-19, экономическая политика, эффект мультипликатора, Исландия, Норвегия.

Key words: EFTA, foreign experience, support measures, COVID-19, economic policy, multiplier effect, Iceland, Norway.

Беспрецедентное эпидемиологическое бедствие застало мировое сообщество и власти отдельных стран врасплох: мало кто на первоначальном этапе ожидал такие масштабы социальных, экономических и политических потрясений и вызовов, с которыми каждому пришлось столкнуться.

Появился даже специальный термин «коронакризис», характеризующий значительное обострение финансовых сложностей, спад производства и экономики, усугубление проблем занятости и так далее на фоне санитарных угроз вследствие распространения COVID-19. Не обошёл настоящий кризис и страны-члены Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Это альтернативный интеграционный проект в Европе, который возник в 1960 году.

Сегодня я остановлюсь на экономических мерах государственной поддержки в двух странах Северной Европы – Норвегии и Исландии, которые являются членами ЕАСТ. Если обобщить, с моей точки зрения, мероприятия можно разделить на две группы: прямое содействие населению и бизнесу и опосредованная помощь, положительно сказывающаяся на общем экономическом благополучии и состоянии.

Прямое содействие в основном имело целевое назначение и зачастую включало в себя безвозмездное выделение денег без каких-то сложных критериев для их получения, обеспечение доступности беспроцентных кредитов или ссуд по весьма льготным условиям, снижение или обнуление ставок на налоги и сокращение фискальных требований. Речь здесь шла как о физических, так и юридических лицах.

Косвенная помощь имела наоборот широкий и неточечный охват и изначально предназначалась крупным системообразующим предприятиям. Государство заботилось о банках (были задействованы специализированные механизмы по их финансированию) о, например, топливно-энергетическом комплексе (целевые льготы уменьшали себестоимость их продукта, являющегося промежуточным звеном для других субъектов экономического процесса), об инновационных и венчурных фондах и тому подобное. Принцип, как можно представить, более замысловатый: выгодные кредиты или дешёвое топливо и энергоресурсы позволяли снижать затраты компаний и простых людей и, следовательно, цену производимого товара или услуги. А уже по цепочке выгоды передавались последующим, последующим и так далее акторам в различных отраслях, обеспечивающих выпуск своей продукции на основе предыдущих. Своеобразный «льготный мультипликатор», прямо по кейнсианской модели. Как камень, бросаемый в жидкость, от которого идут расходящиеся круги на «водной глади экономики».

Типовая схема такова :
$$\Delta Y = \frac{\Delta G}{1-MPC} = \frac{\Delta G}{MPS}, \text{ где}$$

ΔG – величина предоставляемых государством льгот;

MPC – предельная склонность к потреблению и фактическому использованию получаемых льгот (*marginal propensity to consume*);

MPS – предельная склонность к сбережению получаемых льгот (*marginal propensity to save*);

ΔY – величина эффекта от предоставляемых льгот.

Допустим, в рамках такой модели «льготного мультипликатора» предоставлен 1 млрд у. е., а условно предельная склонность к сбережению составляет 20% (то есть лишь пятая часть откладывается, тогда как оставшиеся 80% от средств будут пускаться каждым следующим и последующим акторам в экономику). В этом случае эффект от выделенных денег в экономике будет равен приблизительно 5 млрд у. е.

Пример: при $MPS = 20\%$ и $\Delta G = 1$ млрд у. е.:

$$\Delta Y = \$ 1 \text{ млрд} \times (0,8^0 + 0,8^1 + 0,8^2 + \dots + 0,8^{+\infty}) \approx \frac{\$ 1 \text{ млрд}}{0,2} \approx \$ 5 \text{ млрд}$$

Определить точно показатель «склонностей» населения и бизнеса, конечно, несколько затруднительно, тем более что многие отрасли сейчас просто оказались «парализованы», но именно эти макроэкономические подходы, надо полагать, держали «в голове» эксперты стран-членов ЕАСТ, в том числе Норвегии и Исландии, власти которых раз за разом одобряли пакеты соответствующих мероприятий, призванных смягчить воздействие коронакризиса. И, как представляется, влияние косвенных мер должно оказывать более существенный эффект именно на экономику, или ВВП, если хотите, а точечная помощь, адресованная уязвимым секторам и слоям населения, – на социальную сферу.

Если обобщить меры поддержки Исландии и Норвегии, то картина складывается следующая. По моим оценкам, общая величина финансирования в прошлом году в Исландии исчислялась как минимум 2 млрд долл. США, что составило почти десятую часть от ВВП страны [2], а в Норвегии – около 5% от ВВП, или в районе 8-10 млрд долл. США [1], хотя точная сумма в настоящий момент не обнародована.

Для начала то, что в политике Исландии и Норвегии было схожего. Это подходы к содействию занятости. Например, обеими странами выделялись субсидии компаниям, столкнувшимся со значительной потерей дохода вследствие COVID-19. В частности, в Исландии государством могли компенсироваться до 75% заработной платы сотрудникам, а в Норвегии выплачивались деньги непосредственно за каждого возвращённого к работе. Высокую озабоченность вызывала и ситуация с предприятиями, вынужденными прекратить свою деятельность.

Происходили обнуления или существенные понижения налоговых ставок для отдельных отраслей экономики, объявлялось о возмещении суммы НДС, а также об отсрочке по фискальным выплатам.

Организована социальная помощь семьям, особенно малообеспеченным, пожилым людям. Например, в Исландии начислялись единовременные пособия на детей в возрасте до 18 лет в размере около 160 или 320 долл. США на каждого ребёнка в зависимости от общего достатка, а в Норвегии компенсировали средства за нефункционирующие детские сады и по программам внеклассного обучения (группы продлённого дня). Содействие оказывалось и студентам, которые потеряли свой доход вследствие пандемии COVID-19, внимание уделялось созданию рабочих мест, в том числе на период их летних каникул.

Масштабным вызовом стало обеспечение государственных гарантий по ссудам и формирование механизмов по неотложной кредитной поддержке малым, средним и развивающимся компаниям. В этом контексте речь шла и о стимулировании инновационной активности: помимо льгот предоставлялись ассигнования в рамках специализированных фондов.

Рассмотрим также ряд особенностей двух стран.

Норвегия, будучи более крупным государством, как представляется, использовала косвенные меры несколько энергичнее, чем Исландия. Например, королевством задействован механизм Государственного пенсионного фонда Норвегии – Глобального (Government Pension Fund Global, GPF), созданного на доходы от нефти и газа. На фоне сокращения фискальных поступлений за счёт него по аналогии с кризисом 2009 г. был пополнен бюджет, а потом финансировались разнообразные программы.

Кроме того, в марте 2020 г. принят Закон о Фонде государственных облигаций и Закон о системе государственных гарантий по кредитам для малых и средних предприятий. Первый нормативный правовой акт обеспечил помощь крупным корпорациям, которые в основном занимают средства на рынке кредитных облигаций (этот инструмент неплохо себя зарекомендовал во время предыдущего кризиса). Вторым документом государство гарантировало до 90% от суммы ссуд, предоставляемых финансовыми учреждениями малому и среднему бизнесу.

Из самобытности королевства, считаю, можно отметить проявленную заботу о национальном животноводстве и местных промыслах северных народов. Например, в Норвегии отменили налоги на тотализаторы (лошадиные скачки) для поддержки коневодства и обеспечили компенсационные выплаты на закупку и транспортировку кормов в оленеводстве, что являлось чисто социальным шагом.

Исландия, как представляется, сравнительно больше заботилась о точечных мерах помощи. Вместе с тем хотел бы обратить внимание на то, что проблемы в стране наблюдались ещё до COVID-19. Например, доходы от значимой сферы, туризма, составили в 2013 г. 26,4% от экспорта всех товаров и услуг, а в 2017 г. – 42,0% [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Однако в 2019 г. обанкротился крупный национальный авиаперевозчик WOW air, а поскольку туры зачастую продавались пакетно, то это пагубно отразилось на всей туротрасли. Говорить о путешествиях в настоящее время, разумеется, не приходится.

В заключение, в целом североевропейским странам-членам ЕАСТ Исландии и Норвегии удалось неплохо справиться с экономическими последствиями коронавируса, в ряде случаев их результаты не хуже, а иногда превосходят показатели государств Евросоюза. Вместе с тем ситуация, разумеется, остаётся весьма непростой, и окончательное восстановление во многом будет зависеть от эпидемиологической обстановки в Европе и мире, напрямую связанной с нормализацией прежней деловой активности.

Список источников и литературы

1. Economic measures in Norway in response to Covid-19. 08.06.2020 г. // Официальный сайт Правительства Норвегии. – URL: <https://www.regjeringen.no/en/topics/the-economy/economic-policy/economic-measures-in-norway-in-response-to-covid-19/id2703484/> (accessed: 24.05.2021).
2. Icelandic Government announces 1.6bn USD response package to the COVID-19 crisis. 21.03.2020 г. // Официальный сайт Правительства Исландии. – URL:

<https://www.government.is/news/article/2020/03/21/Icelandic-Government-announces-1.6bn-USD-response-package-to-the-COVID-19-crisis/> (accessed: 24.05.2021).

3. *Oddný Þóra Óladóttir*. Tourism in Iceland in figures. 2018 // Официальный сайт Совета по туризму Исландии. – URL: https://www.ferdamalastofa.is/static/files/ferdamalastofa/talnaefni/tourism-in-iceland-2018_2.pdf (accessed: 24.05.2021).

БРЕНДИРОВАНИЕ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА

BRANDING OF THE NORDIC REGION

Кулябина Лидия Николаевна

кандидат политических наук,

Дипломатическая академия МИД России, Москва

E-mail: lidiiakuliabina@gmail.com

Lidiia N. Kuliabina

Ph.D. (Political Science),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow

E-mail: lidiiakuliabina@gmail.com

Аннотация: статья посвящена процессу формирования единого социального пространства на территории североевропейского региона с последующим приданием его результатам пиар веса, заметного далеко за пределами интегрирующегося пространства, включающего территорию пяти государств: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции.

Abstract: the article is devoted to the process of forming a single social space on the territory of the Northern European region, followed by giving its result a PR weight that is noticeable far beyond the integrating space, which includes the territory of five states: Denmark, Iceland, Norway, Finland and Sweden.

Ключевые слова: северные страны, северный бренд, интеграция.

Keywords: nordic countries, nordic brand, nordic branding, integration.

Деятельность Северного Совета и Совета министров северных стран активно изучалась еще в советской историографии [2,3,4,5]. Образованный в 1952 г., готовящийся отмечать своё 70-летие Северный совет традиционно определяется как орган межпарламентского сотрудничества. Совет министров Северных стран (СМСС), функционирующий с 1971 г., в 2021 г. торжественно отпраздновавший свое 50-летие, официально обозначается как межправительственный орган

сотрудничества. Масштаб, продолжительность и объем кооперации показывают, что происходящее становление единых социального, экономического и прочих пространств обладает существенными признаками интеграции. Эти выводы подтверждаются и амбициозным слоганом, размещенным на официальной странице norden.org: «Наше видение заключается в том, чтобы сделать северный регион самым устойчивым и интегрированным регионом в мире»[9].

Один из отчетов о состоянии дел, которые СМСС ежегодно публикует на разных языках мира (в частности, и на русском), что явно ориентировано на широкую популяризацию достижений, открывается фразой: «Северный регион как таковой представляет собой 12-ю по величине экономику в мире, где население растет быстрее, чем в среднем по ЕС, имеет рынок труда, который получает высокую глобальную оценку, и систему социального обеспечения, которая оказалась устойчивой во времена как бума, так и спада» [1]. По сути, Северный совет координирует, контролирует и выдает рекомендации по всему спектру вопросов развития региона, СМСС эти консенсусные меры, предложенные парламентариями пяти стран и трех автономий, реализует.

Кроме этих основополагающих органов, в рамках северного сотрудничества с 1997 г. функционирует исследовательский институт регионального развития и планирования Nordregio, Северный инвестиционный банк, инвестиционный фонд, создан единый рынок труда и социального страхования. Уже не представляется возможным найти отрасль экономики или явление общественной жизни, которые не были бы охвачены северным сотрудничеством: от поддержки демократических сил, например, в Польше до выработки общей стратегии по борьбе с пандемией коронавируса и формирования бытовых привычек населения (как провести дома в режиме изоляции «nordic day»).

Массированные и разнонаправленные кампании (проект Generation2030 [6]., программа Sustainnordic [8], учрежденная Советом северных фермеров (NBC) премия Nordic Food Awards под названием Embla [7, с.19] и т.д.) призваны

произвести сдвиг в общественном сознании, что в купе с усилиями по разработке общепризнанных индикаторов, несомненно, приведет к укреплению позиций скандинавских стран и Финляндии не только в рейтингах ЦУР, но и добавит очков к имиджу активно брендируемого макрорегиона «norden» как устойчивого и инновационного.

Одна из инициатив в этом направлении - рассчитанный на три года проект Sustainordic (2018-2020) по сбору и распространению передового опыта и примеров устойчивого производства и потребления на национальном уровне, а также стимулированию разработки национальной политики в этой области. Sustainordic – результат сотрудничества шести североευропейских дизайнерских и архитектурных учреждений, итоги которого ежегодно публикуются в виде докладов.

Доклад 2018 г. по реализации Sustainordic содержит резюме шестидесяти инновационных примеров ответственного потребления и производства в соответствии с глобальной целью 12 повестки дня ООН на период до 2030 года. Доклад открывает интервью Якоба Тролльбека, основателя компании New Division, – участника разработки одобренных ООН в 2015 г. логотипов и названий каждой из семнадцати целей.

При этом каждый интервьюируемый в финале разговора описывает свой бытовой опыт и видение ответственного потребления. Так, разработчик понятных символов для ЦУР жалуется, что практически невозможно найти зубную пасту, упакованную не в пластиковую тубу. «Но самый главный челлендж – найти шампунь без пластиковой упаковки»[7], - заключает он.

Концепция устойчивости в анализируемых текстах плотно привязана к идее брендинга и популяризации всего того, что может быть идентифицировано как nordic: северная модель, северные ценности, северные традиции. И сам концепт устойчивости преподносится как одна из неотъемлемых составляющих северного образа жизни, как давно и прочно вошедшая в жизнь северных европейцев реальность, которой они считают необходимым для планеты поделиться и обучить

других. Так, Совет северных фермеров (NBC) учредил премию Nordic Food Awards под названием Embla, «цель которой - прославить тех, кто распространяет знания о радости еды. Embla воспитывает чувство общности и контакта со своими нордическими корнями».

Другой пример – описание шведско-норвежской научно-исследовательской платформы EAT, «которая посвящена глобальной работе по созданию справедливой и устойчивой продовольственной системы», содержит следующий пассаж: «Среди 40 стран-членов EAT есть явное северное лидерство: одним из примеров является Копенгаген, закупки продовольствия которого уже на 90% состоят из органических продуктов, и переход этот удалось осуществить без увеличения бюджета» [7, С. 21].

В Копенгагене же базируется и SPACE10 - финансируемая ИКЕА «лаборатория будущей жизни» (Future Sustainable Living Lab), которая работает над выявлением новых тенденций и проектных решений будущего. Группа из 25 специалистов и творческих работников со всего мира – включая биоинженеров, художников, ученых-компьютеров, дизайнеров и архитекторов, – открыто делится с общественностью своими представлениями о быте завтрашнего дня, «исследуя все: от быстрой урбанизации и дефицита природных ресурсов до одиночества в городах, продовольственной безопасности и отсутствия доступного жилья, а также как технологические прорывы, такие как смешанная реальность, искусственный интеллект и цифровые инструменты производства могут дать людям совершенно новые возможности» [7, С.23]. При этом во всех материалах содержится указание и на специфическую методологическую подоплеку.

В 2017 г. СМСС запустил проект Generation2030, призванный привлечь к проблематике устойчивого развития то поколение, которое к 2030 г. станет ведущей силой в принятии решений. Проект предусматривает форматы, понятные для современных молодых людей. Так, через ресурсы СМСС в социальных сетях распространяются 1,5-2-минутные ролики, героями которых становятся те обычные шведы или норвежцы, кто может объяснить, почему они считают важным дарить

«устойчивые» подарки в виде собственноручно посаженных растений в горшках, штопать носки или одеваться в секонд-хенде [6].

Таким образом, тематика устойчивости прочно увязывается с продвижением и брендингом так называемой «нордической модели», основанной на мировоззренческом и цивилизационном единстве европейского севера. При этом устойчивость рассматривается как глубоко укоренная ценность, лежащая в основе «северного образа жизни». В статье сформулировано предположение, что именно эта интерпретация дает синергетический эффект продвижения обоих концептов.

Список источников и литературы

1. Взгляд за кулисы североевропейской модели // Состояние региона Северных стран 2018 Официальный сайт Северного сотрудничества www.norden.org
URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1191016/FULLTEXT01.pdf>
(дата обращения: 12.02.2020).
2. *Воронков Л.С.* Интеграционные процессы на Севере Европы// Европейская интеграция» под редакцией О.В.Буториной, Н.Ю.Кавешникова, Москва, АСПЕКТ-ПРЕСС, 2016.
3. *Градобитова Л.Д., Пискулов Ю.В.* Экономика и политика Скандинавии. М., 1986.
4. *Комиссаров Ю.Д.* Безопасность и сотрудничество: опыт европейского Севера. М., 1989.
5. *Котляр В.С.* Северный совет. М., 1973.
6. Meet Tess Waltenburg (26, Sweden) Living more sustainably can be fun and inspiring, she says. She tries to think sustainably in her everyday life by for example replacing single-use products // Официальная страница The Nordic Council of Ministers and The Nordic Council – URL: www.facebook.com/watch/?v=1551232041679482 (дата обращения: 21.08.2020).

7. The Nordic Report 01// Официальный сайт проекта Sustainnordic - URL: www.sustainnordic.com/the-nordic-report/ (дата обращения: 10.11.2020).
8. The Nordic Report 02 // Официальный сайт проекта Sustainnordic URL:www.sustainnordic.com/wp-content/uploads/2020/02/The-Nordic-Report-02_Digital_low.pdf (дата обращения: 10.11.2020).
9. Welcome to Nordic Co-operation // Официальный сайт Совета министров северных стран и Северного совета - URL: <https://www.norden.org/en> (дата обращения: 23.01.2021).

**ОБРАЗЫ ШВЕДОВ ВО «ВРЕМЕННОМ»
ДЪЯКА ИВАНА ТИМОФЕЕВА**

**THE IMAGE OF SWEDES IN “VREMENNİK” BY THE DYAK IVAN
TIMOFEEV**

*Ниemi Эмма Эрнестовна,
Магистратура «История стран Северной Европы»,
Петрозаводский Государственный университет,
kivameowth@gmail.com*

*Emma E. Niemi
MA in Nordic History, Petrozavodsk State University,
kivameowth@gmail.com*

Научный руководитель: к.и.н., доцент Толстикова А.В.

Scientific supervisor: Alexandr V. Tolstikov, PhD (History).

Аннотация: «Временник» дьяка Ивана Тимофеева является одним из первых примеров авторского литературного текста, созданного на Руси в Смутное время. В статье исследуется образ шведов, сконструированный Иваном Тимофеевым и отраженный в его произведении. В исследовании выделяются четыре коннотации образа: общепринятая в современном научном дискурсе отрицательная, нейтральная, в качестве кары господня и положительная.

Abstract: “Vremennik” by the dyak Ivan Timofeev is one of the first texts in Russian literature that has a defined author. The book describes people and events of the Time of Troubles. The article covers the image of Swedes constructed by Ivan Timofeev and reflected in his text. Analysis results in four connotations of the Swedes’ image: negative widespread in the modern scientific discourse, neutral, as a god’s punishment and positive.

Ключевые слова: дьяк Иван Тимофеев, образ шведов, Временник, Новгород, Смутное время, Русь.

Key words: dyak Ivan Timofeev, image of Swedes, Vremennik, Novgorod, Time of Troubles, Russia.

Введение

«Временник» дьяка Ивана Тимофеева является авторским произведением эпохи Смуты. Исследователи обращали внимание на структуру произведения и лингвистические особенности [15; 17; 20]; описание личностей или событий и полноту их отражения [4; 10; 12; 18]. Образ шведов интересовал историков значительно меньше образа сменяющихся правителей Руси или женских героинь произведения [13; 19]. Тем не менее, в современном научном дискурсе устоялось мнение, что произведение Ивана Тимофеева описывает «...Еллинов (шведов) — врагов своих, исполненных козней и старой злобы...» [2, с. 267]. Однако, как отмечал А. Я. Гуревич, исторический источник «непрозрачен» [3, с. 81-109].

Дискурсивность образов

И. Тимофеев начал работу над «Временником» еще в Москве, в конце XVI века, основная часть была написана в Новгороде между 1611 и 1617 годами. Далее дьяк продолжал работу над текстом уже на новом месте службы вплоть до 1619 год [16, с. 118]. Таким образом, текст «Временника» имеет специфику точечного изложения. Что, в свою очередь, отражает ограниченность и единичность события и создает прерывность в дискурсе [21, с. 74, 222]. Это дает нам, как исследователям, возможность рассматривать каждый такой отрывок отдельно, извлекая присущий ему образ шведов и облекая его в доступную нам интерпретацию. При этом включение смыслов текста в современность диктуется не самим исследователем, а руководящим им дискурсом [21, с. 279]. В то время как и рука дьяка «верно и без страха» [2, с. 214] фиксировала образы, которые раскрывались в высказываниях, надиктованных ему в рамках определенной парадигмы, неких дискурсивных структур, формирующих «*атом дискурса*» [21, с. 160-161].

Автор как конструкт

Автономность И. Тимофеева как автора, так и его произведения иллюзорна. В каждом высказывании дьяка можно найти аллюзию как минимум к одному высказыванию или тексту, созданном ранее [23, с. 66]. Таким образом, И. Тимофеев, плывя «по течению своего риторического "облакоподобного" вдохновения» [12, с.

65], является конструктором, своего рода скриптером [22]. Он формирует и транслирует некие мифологемы [6, с. 34, 37], смыслы и образы которых со временем забываются или кажутся утраченными. Но при обращении к ним исследователя происходит их возрождение, восстановление и интерпретация [1, с. 373]. По М. Фуко, произведение - это «узелок в сети» [21, с. 64-66], который необходимо распутать для обнаружения новых уровней восприятия, понимания и объяснения. Однако при этом любой исследователь будет субъективен в зависимости от того, какие письменные высказывания И. Тимофеева используются при анализе.

Вариативность образов

Образ шведов вариативен под влиянием стремительно меняющихся дискурсов, в которых функционировал И. Тимофеев. С одной стороны, он писал, следуя тенденциям средневековья, когда человек абсолютизирует действительность, и все для него либо благо, либо зло [8, с. 302]. С другой стороны, он склонен к своей интерпретации событий, развивая свои мысли в риторическом, присущем ему, дискурсе [8, с. 307]. Как следствие, вариативность образа шведов проявляется в четырех коннотациях: общепринятой негативной, нейтральной, в качестве божественного наказания за грехи русских и положительной.

Отрицательный образ

Отрицательный образ шведов, подкрепленный цитатой «Еллины, иже своя наветныя древняя враги злобы», не является однозначным с точки зрения используемых оценочных суждений. В тексте фраза приведена как часть фрагмента: «...мы не призвали бы ранее этого еллинов (шведов) — врагов своих, исполненных козней и старой злобы...» [2, с. 95]. При беглом знакомстве с «Временником» действительно создается ощущение, что «еллины» (эллины, как у других авторов) используется для создания негативного образа. Однако сама переводчица О. А. Державина синонимизирует слова «еллины» и «шведы» [2, с. 301, 125]. В то время как негативный образ у И. Тимофеева создавался с помощью дополнительных

описательных элементов, показывающих негативное отношение. Без них слово «еллины» воспринимается как термин.

Нейтральный образ

Нейтральный образ создается тем, что И. Тимофеев делает героев беспристрастными [7, с. 14]. В отрывке «...желая освободить от бед мать городов, <...> он решил повести и нанятых им (шведов) еллинов, пустив их иным путем <...> и увещевая их оказать там помощь...» [2, с. 319] наглядно показано, что шведы описываются не предвзято. Отсутствуют оценочные эпитеты, используются местоимения без дополнительных (негативных) характеристик. В то же время дьяк стремится к объективности, и, тем самым, нейтральности повествования, описывая как положительные, так и дурные качества. Приведем некоторые примеры нейтрального образа из «Временника» И. Тимофеева [2, с. 251, 284, 313]:

- «пришедшие в нашу землю народы»;
- «и люди, достойные доверия»;
- «о чем свидетельствуют враги, верно»;
- «разорили всю нашу землю даже более, чем хотели»;
- использование местоимений «их», «им», «с ними».

Как кара господня

«Временник», по словам самого И. Тимофеева, является сказанием о «наказании божием» [2, с. 327]. Учитывая, что инициатива создания оформленного текста «Временника» исходила от служителя церкви, митрополита Исидора [2, с. 326-237], религиозный дискурс являлся доминирующим для И. Тимофеева. На первый взгляд, в рамках такого дискурса шведы также представляют собой «зло», однако негативно можно интерпретировать только их действия. Они пришли в Новгород как наказание за грехи, т.е. бог привел их. Следовательно, строя негативный образ вокруг шведов, а не их поступков, критике подвергается и бог. Для человека той эпохи это было сродни ереси. Ниже приведены несколько примеров кары господней из «Временника» [2, с. 247, 251, 300]:

- «В древности (император) Тит за превысившие меру грехи евреев разрушил Иерусалим, - и не удивительно, потому что он был царь» (в данной аллюзии Иерусалим ассоциируется с Новгородом, а Тит с богом);

- «А если попущением божьего смотрения в самом царстве, во всей этой земле, что-нибудь и совершено врагами к наказанию нашему»;

- «...нашествие язычников на нашу землю и наведение их на нас — от господ же было».

Положительный образ

Положительный образ является самым дискуссионным. Его формирование скорее можно проследить через личность самого И. Тимофеева, чем через созданный им текст. В целом исследователи отмечают отношение дьяка к шведам как достаточно почтительное. Я. Делагарди, например, он воспринимал как законного правителя города [5, с. 41]. Также И. Тимофеев был близок к митрополиту Исидору, который поддерживал кандидатуру Карла Филиппа на престол в Москве [11, с. 192]. И. Тимофеев служил при шведах в администрации Новгорода и ему было поручено составить текст новгородско-шведского договора, или присяги на основе уже заключенного договора, о призыве королевича [16, с. 114-115]. Более того, И. Тимофеев активно использует приемы умолчания. Например, дьяк не описывает сожжение протопопа Амоса шведами после отказа последнего сдаться [14, с. 123]. В то время, как в Новгороде это считалось героическим поступком, зафиксированным в летописях. Следовательно, для И. Тимофеева шведы не несли в себе негатива или, по крайней мере, он не хотел описывать их только с такого ракурса. Более того, местами дьяк описывает соседей как дружественный народ, без которого русским не справиться в противостоянии с поляками [2, с. 255-256, 300, 306]:

- «... привезен был из другой земли жених, сын одного дружественного ему короля»;

- «скорее нанять ратников» / нанять еллинов (шведов) для помощи против врагов, разоряющих Российскую землю» иначе «от еллинского народа сюда помощь не придет»;

- «...окрестные государства <...> стараются мирно укротить, изъявляя нам дружбу».

Выводы

Таким образом, в статье раскрывается не одна коннотация образа шведов во «Временнике» И. Тимофеева, а четыре: общепринятый негативный, нейтральный, как божественное наказание за грехи русских и положительный. Несомненно, нам сегодня сложно оценивать мотивы автора, имея багаж «поздних постромантических концепций о родине и национальности» [9, с. 367]. Тем более, что И. Тимофеев умел скрывать свое отношение к событиям и явлениям «под покровом тайны» [6, с. 25]. Однако явно прослеживается тенденция И. Тимофеева к упорядоченности и конструированию того настоящего, которое для него являлось в рамках конкретного дискурса удобным, выгодным и актуальным. «Временник» создавался при шведах, когда И. Тимофеев находился у них на службе, а дописывался уже при Романовых [16, с. 118]. Смена политического дискурса в личной жизни прослеживается и в тексте. Дьяк был мастером подавать информацию сразу в нескольких коннотациях. Если его обвинили бы в неверном истолковании личности или события, он всегда мог привести в свою защиту пример из своего же текста с противоположной интерпретацией тех же случаев. Следовательно, любой исследователь может найти свое «подразумеваемое», и каждый окажется прав. Принять только негативный образ – значит иметь ввиду безусловную способность исследователя к беспристрастности. Однако любой исследователь субъективен, любое описание события лишь его интерпретация, а любой автор пишет в рамках определенных дискурсов.

Список источников и литературы

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Боращор. - Москва : Искусство, 1979. - 423 с.
2. *Временник Ивана Тимофеева* / подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц ; ред. изд-ва Е.Б. Томсинская. — Москва [и др.] : Изд-во АН СССР, 1951. — 512 с. : ил.
3. *Гуревич А. Я.* Территория историка // *Одиссей: Человек в истории.* - 1996. - С. 81-109.
4. *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева* / подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц; ред. изд-ва Е.Б. Томсинская. — Москва [и др.] : Изд-во АН СССР, 1951. - С. 351- 409.
5. *Дудко А. П.* Автобиографическое начало в книге «Временник» Ивана Тимофеева / А. П. Дудко // *Вестник ВГУ.* - 2013. - №1. - С. 37-43.
6. *Каравашкин А. В.* Иван Тимофеев — историк начала XVII в. - в свете современных интерпретаций / А. В. Каравашкин // *Историческая экспертиза.* - 2014. - №1. - С. 25-37.
7. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. - Москва : Наука, 1970. - 180 с.
8. *Панченко А. М.* Литература «переходного века»/ А. М. Панченко // *История русской литературы.* В 4 томах. Том 1 - Ленинград, 1980. - С. 291-407.
9. *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А.Пересветов-Мурат и другие русские *vaijog*'ы / А. И. Пересветов-Мурат // *Новгородский исторический сборник.* - Санкт-Петербург, 1999. - № 7(17). - С. 367.
10. *Платонов С. Ф.* Сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник. / С. Ф. Платонов - Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашова, 1888. - 372 с.
11. *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Выпуск 2. Войны и мирные договоры. Книга 1. Войны и мирные

договоры / В. В. Похлебкин - Москва: Международные отношения, 1998. – 672 с. – ISBN 5-7133-0801-4.

12. *Рыбаков Д. А.* «Временник» Ивана Тимофеева - несостоявшийся историографический проект начала XVII века / Д. А. Рыбаков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2007. - №2 (28). - С. 60-65.

13. *Свобода М.* Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева / М. Свобода // Труды Отдела древнерусской литературы. - Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. 2001 - Т. 52 - С. 385 - 408.

14. *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. / П. В. Седов // Новгородский исторический сборник. - Санкт-Петербург [и др.], 1993 - №4 (14). - С. 116-127.

15. *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева: проблема авторства и структуры / Я. Г. Солодкин // Междуусобная кровь пролилась. Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. : Монография / Я. Г. Солодкин - Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. - Гл. IV. - С. 75-101.

16. *Солодкин Я. Г.* Иван Тимофеев в Новгороде (из истории русской публицистики начала XVII в.) / Я. Г. Солодкин // Вспомогательные исторические дисциплины./ Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. - Ленинград, 1989. - №3 (13). - С.110-123.

17. *Солодкин Я. Г.* О датировке и хронологической структуре нового летописца. - История и источниковедение. - С. 39-46.

18. *Строев П. М.* Хронологическое указание материалов отечественной истории литературы правоведения до начала XVIII века / П. М. Строев // Журнал Министерства народного просвещения. - Санкт-Петербург : 1834. - Ч. 2. № 2. - С. 152-188.

19. *Туфанова О. А.* Женские образы во «Временнике» Ивана Тимофеева сквозь призму гендерного подхода / О. А. Туфанова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2011 - №3 (45). - С. 114-115.

20. *Туфанова О. А.* Принцип контраста как отражение противоречий эпохи смутного времени / О. А. Туфанова // Вестник славянских культур. - 2008. - № IX. - С. 139-147.
21. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко; пер. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. - Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. - 416 с. - ISBN 5-93762-034-8.
22. *Фуко М.* Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Колледж де Франс под председательством Жана Валя / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. - Москва: Касталь, 1996.
23. *Kristeva, J.* Word, Dialogue, and Novel. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art / J. Kristeva ; Leon S. Roudiez, ed. ; Thomas Gora et al, trans. - New York: Columbia U., 1980 - P. 64-91.

**ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ ВАЛЛЕНБЕРГОВ
НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ШВЕЦИИ**

**THE INFLUENCE OF THE WALLEMBERG FAMILY
ON THE FOREIGN POLICY OF SWEDEN**

Ордин Алексей Вячеславович
Магистрант Дипломатической академии МИД России
alexey_ordin@mail.ru

Alexey V. Ordin
Master's Degree program of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia
alexey_ordin@mail.ru

Научный руководитель: д.полит.н., профессор Иванов О. П.

Scientific supervisor: Oleg P. Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science),
Professor.

Аннотация: Тесная интеграция семьи Валленбергов в политическую и экономическую жизнь Швеции находит отражение во внешней политике королевства. Швеция долгое время официально придерживалась принципа нейтралитета в военное время и неприсоединения к военным блокам — в мирное. С начала XX века принцип нейтралитета вместе с обеспечением собственной безопасности за счёт мощной системы национальной обороны стал официальным базовым принципом внешней политики Швеции. В исследовании выделяются четыре аспекта: влияние семьи Валленбергов на экономику, политику, историческая ретроспектива, взгляд на будущее российско-шведских отношений.

Abstract: The close integration of the Wallenberg family into the political and economic life of Sweden is reflected in the foreign policy of the Kingdom. For a long time Sweden officially adhered to the principle of neutrality in wartime and non-alignment with military blocs in peacetime. Since the beginning of the 20th century, the principle of neutrality, together with ensuring one's own security through a powerful national defense

system, has become the official basic principle of Swedish foreign policy. The study identifies four aspects: the impact of the Wallenberg family on the economy, politics, historical retrospective, and a look at the future of Russian-Swedish relations.

Ключевые слова: Валленберги, внешняя политика Швеции, Российско-Шведские отношения

Key words: Wallenbergs, Swedish foreign policy, Russian-Swedish relations

Семейство Валленбергов — одно из влиятельнейших в Швеции — известно тем, что к нему принадлежит значительное количество видных банкиров, промышленников, политиков, государственных деятелей и дипломатов. Семейство Валленбергов владеет долями крупнейших производственных предприятий Швеции, таких как Ericsson, Electrolux, ABB, SAS Group, SKF, AIK, Atlas Copco, и т.д.

Существует несколько упорных заблуждений о том, что семейные фирмы менее эффективны, чем другие типы производственно-коммерческих объединений. Считается, что финансовые трудности, с которыми они сталкиваются, особенно при привлечении капитала для крупных инвестиций, препятствуют их расширению, что затрудняет их превращение в действительно крупные и успешные предприятия. Предполагается, что семейные компании, принадлежащие нескольким поколениям, обременены традициями, что приводит к недостаточной адаптивности, необходимой для современной экономики, которая характеризуется мобильностью факторов и быстрым распространением информации. Семейным фирмам также трудно привлечь индивидуальную компетентность, которая необходима в обществе, основанном на знаниях. Существующие предприятия, которыми владеют и руководят братья и сестры или семейные династии, считаются аномалиями или анахронизмами в современном «что вы сделали для меня в последнее время?» экономика (или экономика «ежеквартального отчета»). Вместо этого в нем доминируют по-настоящему крупные компании, акции которых котируются на фондовой бирже, в основном с анонимным владением и контролем, которым владеют финансовые учреждения. Они, в свою очередь, поставили максимальную

краткосрочную отдачу от своих финансовых вложений в качестве своей важнейшей цели³. Одной из оснований этой аргументации является телеологическое предположение, что семейные фирмы представляют собой старую форму собственности и организации бизнеса, которая со временем была вытеснена большим количеством людей. эффективные, профессионально управляемые, крупные фирмы. Таким образом, вначале важно подчеркнуть отсутствие эмпирических данных в пользу утверждения о том, что эволюционные процессы обязательно приводят к наиболее значительным последствиям. подходящие структуры собственности или управления вытесняют менее эффективные. Более того, так обстоит дело с социальными, а также экономическими организациями как на уровне фирмы, так и на национальном уровне [11].

Однако также очевидно, что ряд конкретных мифов о семейных фирмах рушится, если подвергнуться эмпирической проверке. Текущие оценки показывают, что от 45% до 75% ВВП в развитых промышленно развитых странах создается семейными фирмами⁴. В Европе они доминируют в секторах малых и средних предприятий. В крупном исследовании, основанном на шведских данных, был сделан вывод о том, что семейные фирмы живут значительно дольше, чем несемейные: более 37 лет по сравнению с 22 годами.

Более того, институциональные владельцы значительно чаще продавали фирму, чем семейные владельцы: в то время как семьи в среднем оставались основными владельцами в течение почти тридцати лет, институциональные владельцы владели ею только 12-13 лет⁵. Совершенно очевидно, что семейные фирмы играют важную роль в создании социального капитала в форме личных сетей и доверия, которым в современной экономической теории все чаще отводится важная роль, способствующая росту. Предпринимательство и надзор за предприятиями требуют, чтобы видимые владельцы были готовы принять на себя ответственность за

³ Nyberg, 2002, стр. 15-19.

⁴ Neubauer & Lank, 1998, стр. 10-11.

⁵ Emling, 2000, стр. 67-68.

решения, которые, хотя и могут быть убыточными в краткосрочной перспективе, обещают еще большую ценность для держателей акций в долгосрочной перспективе⁶.

В семидесятые годы прошлого века на предприятиях, контролируемых семейством Валленбергов, трудилось порядка сорока процентов рабочей силы Швеции, а капитализация предприятий составляла около сорока процентов Стокгольмской фондовой биржи.

Сегодня влияние семьи Валленбергов на экономику Швеции различными исследователями оценивается в интервале от 45% до 75% от экономики Швеции.

Наиболее известным представителем семейства Валленбергов является Рауль Валленберг — шведский дипломат, за счёт личных связей своей семьи с первыми лицами фашистской Германии спасший от Холокоста большое количество евреев. Во время своей дипломатической миссии в Венгрии в период с июля по декабрь 1944 года Рауль Валленберг выдавал шведские паспорта евреям, чем сохранил жизнь десяткам тысяч людей.

Тесная интеграция семьи Валленбергов в политическую и экономическую жизнь Швеции, находит отражение во внешней политике королевства. Швеция долгое время официально придерживалась принципа нейтралитета в военное время и неприсоединения к военным блокам — в мирное. После короткой войны с Норвегией в 1814 году Швеция более не участвовала непосредственно ни в одном военном конфликте. С начала XX века принцип нейтралитета вместе с обеспечением собственной безопасности за счёт мощной системы национальной обороны стал официальным базовым принципом внешней политики Швеции.

Швеция в течение последнего века проводит достаточно активную внешнюю политику, участвуя в международных организациях и программах. В 1920 году Швеция стала членом Лиги Наций, в 1946 — вошла в ООН. В рамках ООН

⁶ Rothstein, 2002, стр. 212–213.

неоднократно участвовала в военных операциях. Первый раз шведские войска приняли участие в операции ООН в 1959 году на Суэцком канале.

Каждый раз действия внешнеполитического ведомства Швеции были неразрывно связаны с увеличением экономического влияния капитала семейства Валленбергов на мировую экономику.

Нельзя не заметить, что в течение XX века в адрес Швеции не раз высказывалась критика в связи с действиями, не сочетающимися с принципами нейтралитета и неприсоединения. Так, во время Советско-финской войны 1939—1940 гг. не только корпус шведских добровольцев, вооружённых армией, но и авиаполк ВС Швеции участвовали в военных действиях на стороне Финляндии; также, поставлялось оружие и оказывалась финансовая и сырьевая помощь. В годы Второй мировой войны Швеция фактически поддержала нацистскую Германию, предоставляя свои внутренние коммуникации и суда для перевозки немецких грузов и даже войск, в основном — для доставки в Германию руды, добываемой в северной Швеции, от которой в значительной мере зависело германское военное производство. В послевоенное время Швеция, не присоединившись к блоку НАТО, тем не менее, поддерживала неофициальные отношения с блоком, в том числе в области разведки. В 1952 году шведский разведывательный самолёт DC-3 был сбит над Балтийским морем советским МиГ-15. Проведённое позже расследование показало, что сбитый самолёт проводил разведку в интересах НАТО. Этот и ряд более поздних инцидентов приводили к осложнению советско-шведских отношений.

Дело Рауля Валленберга, арестованного сотрудниками СМЕРШ СССР, негативно влияло и продолжает влиять на двухсторонние отношения Швеции и России, что находит отражение в действиях некоторых депутатов от либеральной Партии Центра в парламенте которые призывают Европу снова ввести санкции против России в Парламентской ассамблее Совета Европы.

Принцип лидерства Валленбергов - «только для семьи»

Правопреемство в группе Валленберга было обусловлено как сохранением из поколения в поколение контрольных пакетов акций в компаниях сферы, так и присутствием в следующем поколении человека (мужчины), обладающего как способностью, так и желанием стать семьей. Благотворительные фонды Валленберга были хранилищами состояний прежней семьи. поколений, и они остаются под контролем семьи. У них сильные позиции собственности в Investor, и они поддерживают функцию Investor как платформу собственности для бизнес-деятельности группы. Самым важным из этих фондов является Фонд Кнута и Алисы Валленберг, созданный в 1917 году для управления состоянием этой бездетной пары. Инвестиционные компании вместе с постоянно растущим числом финансируемых и контролируемых Валленбергом фондов, предназначенных для поддержки научной и культурной деятельности, позволили семье сохранить свою коммерческую деятельность, основанную на собственности. Передача мантии семейного лидерства иногда была более бурной. Как утверждается во вступительной цитате, ожидалось, что аспект Валленберга будет доминировать в семейном бизнесе.

Таким образом, принцип найма руководителей и менеджеров среднего звена, заключающийся в том, что компетентность, независимость и надежность важнее семейного и социального происхождения, не применялся к руководящей должности в группе. Старшему сыну было суждено нести факел вперед при условии, что он обладал волей и способностью взять на себя эту ответственность.

Основатель династии А.О. Валленберг (AOW) был сильной личностью, вдохновившей на многие аспекты самооценки семьи Валленбергов, которые сохранились до наших дней. AOW основал как династию, так и традицию. Среди этого набора норм и отношений - вера в преданность долгу и упорный труд, будь то работа физическая или интеллектуальная. AOW высоко ценил качества жизни на море, укрепляющие характер, и Военно-морская академия и подготовка офицеров на флоте высоко ценились в семье на протяжении поколений. Первородство было принципом преемственности, принятым первым и вторым поколениями в конце XIX

века: с тех пор лидерство намеренно перешло на мужскую сторону, причем приоритет, естественно, отдавался первенцу.

Когда АОВ умер в 1886 году, преемственность была уже давно согласована, и созданный тогда прецедент должен был стать общепринятым правилом для последующих поколений. Старший из ныне живущих сыновей, Кнут Агафон (КАВ), был хорошо подготовлен к своей будущей карьере. Школа-интернат в Германии за ним последовала работа моряком, подготовка морских офицеров, стажировка в Банке, а в 1874 году - избрание в совет директоров Банка. После длительного опыта работы с иностранными банками, например *Crédit Lyonnais* в Париже, КАВ уволился из военно-морского флота и полностью перешел на работу в Банк. После завершения юридического образования младший сводный брат Кнута Агафона Маркус Валленберг принял предложение КАВ о юридической должности в Банке. Затем Маркус начал продвигаться к лидирующей позиции в Банке, накапливая опыт в области финансовой и производственной реконструкции фирм-клиентов. В конце концов, он сменил К. А. Валленберга на посту генерального директора в 1911 году, когда последний стал председателем правления банка. Принцип братского сотрудничества, которое было установлено во втором поколении, было передано более поздним поколениям, чему способствовало то, что у одного из братьев во втором и третьем поколении не было признанных наследников: брак КАВ (второе поколение) был бездетным, и JW (третье поколение) остались холостыми.

В пятом поколении руководство бизнес-группой Валленберга разделяют два человека - двоюродные братья Иаков и Маркус. Все дети АОВ получали прекрасное образование. Однако женщины из высшего сословия конца XIX века не играли активной роли в общественных делах. С тех пор дочери в семьях Валленбергов никогда не рассматривались в качестве кандидатур на руководящие должности в банке или на промышленных предприятиях. Даже сегодня среди ведущих менеджеров *Wallenberg Group* почти полностью отсутствуют женщины-

члены семей. В XXI веке отчетливая стратегия первоначальной преемственности Валленбергов придает бизнес-группе консервативный, если не сказать архаичный оттенок.

С другой стороны преемственность Валленбергов позволила сохранить неформальные связи с государственными институтами Швеции и шведской королевской семьей, что позволяет сохранять голос семьи Валленбергов в выражении внешней политики Швеции.

Список источников и литературы

1. *Carlsson, R. H.* Ownership and Value Creation. Strategic Corporate Governance in the New Economy. Chichester, UK: John Wiley & Sons, 2001.
2. *Cassis, Y.* Big Business. The European Experience in the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 1999.
3. Dagens Nyheter 14.4.2002.
4. *Emling, E.* Svenskt familjeföretagande. Licentiate thesis. Stockholm: Economic Research Institute (EFI), Stockholm School of Economics, 2000.
5. *Granovetter, M.* Business Groups // Smelser, N.J. and Swedberg, R. (eds), The Handbook of Economic Sociology, Princeton University Press, 1994, pp. 453-75.
6. *Granovetter, M.* Coase Revisited: Business Groups in the Modern Economy, Industrial and Corporate Change, 1995. Vol. 4, No 1, pp. 93-130.
7. *Gårdlund, T.* Marcus Wallenberg 1864-1943. Hans liv och gärning. Stockholm: P.A. Norstedt & Söners Förlag, 1976.
8. *Hoppe, G., Nylander, G. and Olsson, U.* Till landets gagn. Knut och Alice Wallenbergs Stiftelse 1917-1992. Stockholm: S-E-Banken, 1993.
9. *Jacobs, M. T.* Short-Term America. The Causes and Cures of Our Business, 1991.
10. *Larsson, M.* Bonniers – en mediefamilj. Förlag, konglomerat och mediekoncern 1953-1990. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2001.

11. *Lindgren, H.* Bank, investmentbolag, bankirfirma. Stockholms Enskilda Bank. 1987.
12. Myopia. Boston, Mass.: Harvard Business School Press.
13. 1924-1945. Stockholm: Institute for Economic History Research (EHF), Stockholm School of Economics.

ФЕНОМЕН "RYSSKRÄCK" В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА 2021 Г.

Мария Андреевна Пименова
Магистрант 2 курса направления «История стран Северной Европы»
Петрозаводский государственный университет
E-mail: masha-pimen@mail.ru

Maria Andreevna Pimenova
MA in Nordic history
Petrozavodsk State University
E-mail: masha-pimen@mail.ru

Научный руководитель: к.и.н., доцент Соломещ И.М.

Scientific supervisor: Ilya M. Solomeshch, PhD (History)

Аннотация: анализируется специфическое явление в российско-шведских отношениях - rysskräck (с шв. - русобоязнь), и то, как содержание этого феномена изменилось за последние 40 лет. На основе опроса автор приходит к выводу о «расщеплении» феномена rysskräck на «страх перед государством» (Россией) и «страх перед народом» (русскими), где первое играет наибольшую роль, а второе практически перестало существовать. Полученные результаты позволяют уточнить представления о современной проблематике российско-шведских отношений, создают контекстуальную основу для разработки направлений по их улучшению.

Abstract. The author examines a specific phenomenon in Russian-Swedish relations - rysskräck (Russo-fear), and how the content of this phenomenon has changed over the past forty years. Based on the survey results, the author comes to the conclusion about the “splitting” of the rysskräck phenomenon into “fear of the state” (Russia) and “fear of the people” (Russians), where the former plays the greatest role, and the latter has practically ceased to exist. The results obtained make it possible to clarify ideas about the current problems of Russian-Swedish relations, create a contextual basis for developing directions for their improvement.

Ключевые слова: русофобия, *gysskräck*, русобоязнь, российско-шведские отношения, образ России и русских в Швеции, Швеция, Россия.

Key words: Russophobia, *gysskräck*, Russo-fer, Russian-Swedish relations, the image of Russia and Russians in Sweden, Sweden, Russia.

История российско-шведских отношений переживала множество трагичных периодов, каждый из которых в той или иной степени зафиксировался в памяти жителей на долгие годы. Одно из последствий такого взаимодействия – это феномен *gysskräck*, исконно шведский термин, в классическом понимании означающий страх перед Россией или русскими. Согласно разным источникам, предпосылки такой русобоязни были заложены еще в XVI–XVII вв., то есть как раз в период расцвета русско-шведских войн [3]. Как и любой конфликт, война несет за собой огромный список негативных последствий, в том числе и страх, тревогу за свою жизнь и жизнь страны перед лицом врага. Однако времена изменились, а последняя русско-шведская война закончилась в начале XIX в. Тем не менее, разговоры о продолжающей свое существование русобоязни в Швеции идут и по сей день. Для этого исследования было важно показать, в каком состоянии этот феномен дожил до XXI века и что представляет из себя *gysskräck* в целом. Для достижения этой цели в российско-шведской истории были выделены «внешние потрясения» — то есть некие редкие события, связанные напрямую или косвенно с Россией, в результате которых было predeterminedены дальнейшие отношения между двумя странами.

Итак, современное представление о России и русских у шведов сформировалось под впечатлением от длинного списка событий, произошедших в мире за последние несколько десятков лет. Среди них особенно выделяются два события – распад СССР 1991 г. и присоединение Крыма Россией 2014 г. Они были определены не просто как «внешнее потрясение», а как «критическая точка»: потрясения могут накапливаться и не приводить к драматическим последствиям глобального масштаба, в то время как критическая точка кардинально меняет дальнейший путь развития двух стран. 1991 г. стал поворотным моментом в

положительном ключе, когда в России начали активно происходить демократические изменения. Несмотря на то, что в Швеции существовали опасения насчет долговечности демократического поворота в России, отношения постепенно налаживались, о чем говорит объем торгового оборота, количество бизнес-контактов и визитов глав государств. Также заметно, что к началу XXI века заканчиваются события, определяемые как положительные внешние потрясения – это связано прежде всего с увеличением масштаба российского присутствия в других странах, которое ставит под удар демократические принципы большой Европы. На этом фоне те события, которые потенциально могли бы быть восприняты положительно, померкли – например, Олимпиада в Сочи 2014 г. или Чемпионат мира по футболу в России в 2018 г. Крымский кризис окончательно разделил новую историю на «до» и «после» в глазах жителей Швеции, отголоски тех событий появляются в общественном дискурсе по сей день. Так, мы подошли к вопросу о том, что из себя представляет современный *gysskräck* в Швеции.

Выводы были сделаны на основе на основе Интернет-опроса, проведенного в январе-марте 2021 года среди жителей Швеции – активных пользователей социальных сетей. Выборка респондентов имеет ряд ограничений вследствие невозможности провести опрос вне интернет-пространства, тем не менее, мы уделили большое внимание описанию социального портрета «шведа» нашего исследования. Итак, «среднестатистический» респондент данного опроса либо имеет шведское гражданство, либо проживает в Швеции, он среднего возраста (45 лет), хорошо владеет английским языком и достаточно активно пользуется социальными сетями. «Швед» получил высшее образование (или находится в процессе его получения) и является наемным работником. Он объективно неплохо знаком с культурой и историей России (по крайней мере, с общеизвестными деталями), бывал в этой стране хотя бы раз и обзавелся контактами с ее жителями. Респондент время от времени следит за новостями, приходящими из России, формируя свое мнение по большей части через интернет-СМИ. В конце заметим

один небольшой, но важный психологический фактор, который стоит учитывать, говоря о «шведе» этого исследования. Поскольку прохождение анкеты не было обязательным или принудительным, есть основания полагать, что люди, потратившие 10–15 минут своего времени на этот опрос, как минимум заинтересованы темой российско-шведских отношений, образом России в Швеции и рефлексии об уровне русобоязни. Респондентам по большей части было интересно комментировать это исследование – об этом свидетельствует обширный диапазон комплиментарных отзывов внутри самой анкеты. Следовательно, часть потенциальных респондентов могла «остаться за бортом» данного исследования в силу отсутствия интереса к теме или нежелания высказываться по политическим вопросам. Поэтому предлагаем добавить фактор заинтересованности в этой теме к уже перечисленным характеристикам респондентов.

В общей сложности было собрано 206 анкет, однако уточним детали сбора. Как было замечено ранее, главный вопрос, ответ на который определял релевантность мнения респондента о предмете исследования, был вопрос о гражданстве. Так, 191 человек назвали себя гражданами Швеции. Однако это не означает, что остальные анкеты были автоматически отбракованы. Поскольку жители Швеции – это не только ее граждане, но и те, для кого она является страной пребывания, автору показалось важным включить в исследование мнение тех респондентов, кто в момент прохождения анкетирования указал, что живет на территории Швеции. Таким образом, 14 анкет «не-граждан» были также занесены в список для дальнейшего анализа. Исходя из этого, только одна анкета (респондент №198) оказалась отбракована в ходе обработки данных. Суммарное количество релевантных анкет для составления общественного мнения составило 205 штук. Обработка и первичный анализ данных осуществлялся с помощью программы для работы с электронными таблицами «Microsoft Excel». Дальнейший анализ проводился вручную.

Цель анкетирования заключалась в том, чтобы выяснить, какой образ России и русских сложился в современной Швеции и в какой степени *rysskräck* является его частью. Отметим, что во избежание возможных вопросов о качестве анализа автор заранее выложила «сырые материалы», то есть ответы респондентов в необработанном виде, в открытый доступ. Ознакомиться с ними можно по ссылке на платформе Google Docs [1]. Другие подробности опроса также находятся там. Резюмируя все исследование, делаем следующий вывод:

Rysskräck – это страх перед Россией, где в понятие «Россия» включены ее власти, правительство, курс внешней политики и полностью исключен народ, ее жители. Более того, у *rysskräck* можно выделить несколько особенностей, позволяющих более точно описать этот феномен.

1. *О сущности страха*: под ним в данном случае понимается не столько страх или паника в привычном понимании этого слова, сколько тревога, одной из причин которой, помимо внутренних проблем Швеции, является Россия и ее внешнеполитическая деятельность. Более того, сам вектор страха тоже претерпел изменения: теперь то, что мы под ним понимаем, относится не только к Швеции или шведам, а, скорее, к «шведскому хартленду» [2], то есть Балтийскому региону, Северной Европе и даже к единой Европе в целом.

2. *О продолжительности*: важно отметить то, что страх (или тревога) – это не постоянно существующее явление, особенно на фоне того, что помимо пресловутых «русских, которые наступают», современный мир предлагает Швеции целый ряд других вызовов, в том числе возвышение Китая, изменение климата, миграционный кризис или пандемия коронавируса. Так, корректнее будет говорить не о *rysskräck* как о непрерывном процессе, а о волнах *rysskräck*, которые выпадают на периоды появления России в новостных заголовках.

3. *Об источниках*: интересно пронаблюдать и то, как русские из категории, которая неразрывно связана с государством, превратились в категорию, которая существует параллельно ей. Обратим внимание, что в ходе анализа опроса от

респондентов можно было часто услышать мнение о том, как много страданий выпало на долю россиян, и о том, что, в общем и целом, эти россияне – «такие же как мы». Это свидетельствует об очень важном сдвиге общественного сознания, когда государство и люди, проживающие на территории этого государства, более не рассматриваются как единый организм с одинаковым набором желаний, мнений и характеристик (как это было по отношению к российским казакам, символизирующим угрозу с востока, например, еще в начале XX в.).

Таким образом, согласно результатам опроса, современный *rysskräck* в значительной степени отличается от своей первоначальной формы; из-за целого ряда обстоятельств его нельзя назвать феноменом, застывшим во времени. Вывод исследования о том, что люди, жители России более не расцениваются в Швеции в качестве источника «страха», может представлять интерес и вызвать определенную дискуссию в сфере развития площадок народной дипломатии или других российско-шведских контактов разных уровней.

Список источников и литературы

1. *Пименова М.* *Rysskräck survey (Answers: Raw Data)* / М. Пименова. – Петрозаводск. – Текст : электронный // Google Docs. – Петрозаводск, 2021. – Раздел сайта: «Spreadsheets». – URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1aMzXaHeee_pA3kBwBBLqitbxqW8uxzHRDDdUpuArIH4/edit?usp=sharing (дата обращения: 03.06.2021)
2. *Kott M.* *Rysskräck and Sweden's Ambivalence* / М. Kott // *New Eastern Europe*. – p. 2015. – P. 1–6.
3. *Ronström O.* *Är du rysk, sork? Ryssar och rysskräck i Sverige* / *Ryss'n kummar!* : Symposium om ryssar och rysskräck på Gotland från Bodisco till Nordstream / Gotland University Press, 2008. – 144 s. – ISBN 978-91-86343-00-2

NORTHERN EUROPEAN COUNTRIES AND EUROPEAN UNION'S RELATIONS

Laura Moreno Rincón

Bachelor in International Relation
Nebrija University, Madrid, Spain

E-mail: laurixus@gmail.com

Ринкон Лаура Морено

Бакалавр международных отношений
Университет Небриха, Мадрид, Испания

E-mail: laurixus@gmail.com

Abstract: Being a member of the European Union entails accepting a series of policies and a transfer of sovereignty, however there are different levels of integration. Proof of this is shown by the Nordic countries: Finland, Denmark, Sweden, Norway and Iceland have particularities that differentiate and define their relationship with the EU.

Key words: European Union, integration, relation, profitable, member, independency, Nordic.

Аннотация: Членство в Европейском Союзе предполагает принятие ряда политических мер и передачу суверенитета, однако существуют разные уровни интеграции. Доказательство этого демонстрируют страны Северной Европы: Финляндия, Дания, Швеция, Норвегия и Исландия имеют особенности, которые отличают и определяют их отношения с ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграция, отношения, прибыльный, член, независимость, Северные страны.

Europe is a conglomerate of different countries, of which most of them are part of the structure of the European Union. This is one of the largest and oldest organizations that, on the one hand, has lasted the last years and on the other, has endured numerous threats and dangers through the waves of historical and social change.

European Union (EU) it is a geopolitical entity, a unique economic, social and political association in the world, created after Second World War, with Robert Schuman's speech, in 1950 [9].

Currently, the organization is formed by 27 member states, however it does not mean that all European countries belong to it. Geographically speaking, the European continent is made up of a total of 46 countries, where not all of them are members of the EU.

The mechanism of the EU that make this organization really work are essentially rooted on series of common policies approved by referendums, which make the spirit of the community update and flow to the rhythm of the new needs, challenges and problems that appear with the time. Policies such as the Common Agricultural Policy for protecting the quality of food products, the economy of the tertiary sector and the caring for the environment; the Eurozone in charge of economic, financial and monetary management; the Trade Common Policy which provides a common customs union, the promotion of foreign trade relations and the defence of national products; or the agreement of Schengen Space which allow the free movement of the four liberties: people, goods, services and capitals within all the territory [1].

Thus, one of the main requirements for the correct development of those common policies is the transfer of national sovereignty to the EU institutions.

Nevertheless, it does not mean that all member countries have the same degree of integrity in the Union, or in other words, not all 27 countries agree and participate in common policies at the same level. Depending on the amount of sovereignty that a country is willing to transfer to the EU, it will be more or less integrated into it, which in addition and in parallel will grant it more or less privileges and responsibilities.

We should also mention that not all EU member countries have adopted the common currency of the euro. There are countries that despite being members, retain their own coin, hence they occupy different levels of integration in the Union.

So, reaching this point we can highlight that only 27 states of Europe belong to the EU in different levels of integration, given by the degrees of essentially economic

integration: preferential agreement, free trade area, customs union, common market, monetary and economic union and Full Economic integration, where is the case of Nordic Countries.

The Nordic region of Europe, is composed by five sovereign states Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden, which are widely considered to form a distinctive region by virtue of their strong historical ties and the tradition of inter-governmental co-operation across national boundaries [4].

Now, precisely, the majority of these Scandinavian states have certain peculiarities regarding the relations with the European Union, despite of belonging to the European territory.

If we analyse them, we can determine that some are indeed more integrated than others, as in the case of Finland, Denmark, and Sweden, and that a few others are totally independent of the organization, as is the case of Norway and Iceland.

Finland. It is, of the five, the Nordic country most integrated into the EU. It officially joined the Union in 1995, a year later it also acceded to the Schengen Agreement and finally adopted the euro in 1999. Finland has 13 representatives of the European Parliament and has 9 representatives on the European Economic and Social Committee.

The most important sectors of Finland's economy are industry (21.3%), public administration, defence, education, human health and social work activities (20.2%) and wholesale and retail trade, transport, accommodation and food services (15.5%).

The total EU spending in Finland is 1,478 million euros, but in exchange, the country contributes the EU with a budget which reaches around 2,018 million euros [6].

Not only but also, Finland is an important player for the EU due to is one of the renewable energy leaders of Europe and of the world leaders in the utilization of renewable sources of energy, especially bioenergy, fuels from forest industry side streams and other wood-based fuels in particular, hydropower, wind power and ground heat, in order to reduce greenhouse gas emissions and implement ecology and sustainability [7].

Also, the technology industry is the most important export industry in Finland. Technology companies operate in international markets, attracting income to Finland that is paramount to maintaining the welfare state, with operations constituting over 50% of all Finnish exports. Moreover, Finland is a highly sophisticated market for computer hardware, 5G and AI (Artificial Intelligence), what makes it one of the world's highest numbers of computers per capita connected to the Internet.

And last but not least, Finland makes the greatest contribution to bailouts during the euro crisis. It serves as a balancing element for most of the European economy when a deficit occurs. Thanks to its high GDP, it can contribute money injections in order to cushion situations of crisis or economic instability.

Denmark. It is the second most partially integrated Nordic country in the EU. It adopted its membership in 1973, signed the Schengen Treaty in 2001 and yet it does not belong to the Euro Zone as it retains its own coin: the Danish crown. It has negotiated an opt-out from the euro and is thus not obliged to introduce it owing to the EU Treaty gave Denmark the right to remain outside it not being something mandatory.

Nonetheless, Denmark held a referendum for adopting the euro, whose result was negative. However, the state complies with the European Central Bank guidelines and its subject to the European Exchange Rate Mechanism in such a way that the Danish krone is linked to the euro [2].

In contrast, it has got 12 represents at the European Parliament and it actively participates in the Council of the EU.

Moreover, public administration, defence, education, human health and social work activities, wholesale and retail trade, transport, accommodation and food services and industry are the most important sectors of Denmark's economy. The EU spend in Denmark 1.411 million euros and the country contributes with a budget around 2.541 million euros too.

Sweden. It shares several points with Denmark. Both of them are EU member states, Sweden since 1995 as well as being part of the Schengen Treaty in 2001, but yet it neither

have the euro currency, thus both of them do not embrace the EU Monetary Union and as a result, not belonging to the Eurozone, using instead the “crown”.

There are basically three reasons why Swedes distrust the euro: fear of falling into a nationalist democratic deficit, concern about the recession of some of the major euro zone economies, and fear that the euro could ruin the economy welfare state negatively influencing aspects such as health, education or pensions.

Sweden has 12 representatives on the European Economic and Social Committee and the same amount at the European Committee of the Regions,

The exchange of funds and budgets with the EU are: 1.814 million euros spent on Sweden, while the country contributes with 3.303 million euros to the Union. The money paid into the EU budget by Sweden helps fund programmes and projects in all EU countries - like building roads, subsidising researchers and protecting the environment.

In addition, the most important sectors of Sweden’s economy recently were public administration, defence, education, human health and social work activities (21.5 %), industry (19.9 %) and wholesale and retail trade, transport, accommodation and food services (17.9 %).

Intra-EU trade accounts for 59% of Sweden’s exports, while outside the EU 10% go to Norway and 7% to the United States. And in terms of imports, 71% come from EU countries, while outside the EU 8% come from Norway and 6% from China [8].

Sweden is the top position states as an innovation leader, according to the European Innovation Scoreboard 2021 followed by Finland, Denmark and Belgium. The main reason is due to the long-term project focus on education and research, green technology and life sciences, and all this triggers that globally, the EU performs better than China, Brazil, South Africa, Russia and India in this aspect. All thanks to Sweden performance.

Norway. It is not part of the European Union, although it is a member of the Schengen area, and is a founding member of the European Free Trade Association (EFTA) in 1960, which allows it to profit of the extends the European single market where people, goods, services and capital are able to move freely. However, it also does not have a euro;

it has the Norwegian krone as its currency owing to the high value of their currency, it is not worthy change it into euro.

In fact, relations with Norway through EEA cooperation, as well as bilateral contacts, are close and generally straightforward, but with certain limits due it is a country which enjoys plenty independency as a non-member state.

On the other side, Norway was on the verge of becoming a member of the EU on two occasions, where even the negotiations reached an agreement, but the referendums of the people were against, and the accession plan fell apart. The rejection was basically based on the fact that Norwegians are not willing to lose their sovereignty, recently achieved with the independency as a state in 1905. Therefore, the EU is out of the interest of such a wealthy country, as well as they do not need the membership for being self-sufficient state [3].

Despite the rejection, the Scandinavian country keeps a close relationship with the EU through the EEA Agreement and various other bilateral agreements. It the EU is one of the biggest suppliers to Norway, while parallelly, European countries are the main destinations for its exports. Basically, Norway's trade is dominated by the EU, and Norway is the EU's fifth most important import partner. Recently, Norway to EU trade amounted to 91.85 million euros, primarily energy supplies. And on the other hand, the EU's exports to Norway amounted to €43.58 billion, primarily manufactured products.

Iceland. It is an island belonging to the Scandinavian countries of northern Europe and shares several points with Norway. It is a country that neither is a member of the EU but it takes part of the Schengen Area and the European Economic Area, and to the European Free Trade Association. But as well as Norway, Sweden and Denmark it does not share the common euro currency, so it does not belong to the Euro Zone.

Following a similar way and behaviour, Iceland made an attempt to join the EU as a consequence of a government's change, which led them to refuse to be part of the European community. Iceland applied to join the EU in July 2009. The Commission issued a favourable opinion in February 2010, and the Council decided in June 2010 that

accession negotiations would be opened. After a new government took power in May 2013, Iceland suspended accession negotiations. At the time of this decision, 27 of the negotiating chapters had been opened, of which 11 were provisionally closed. In March 2015, the Icelandic government requested that "Iceland not be considered a candidate country for EU membership." The Council took note and adjusted its working procedures [5].

Iceland is highly integrated with the EU thanks to its membership of the three European Free Trade Association (EFTA) countries, and the Agreement on the EEA through which Iceland participates in the single market and enjoys its four fundamental freedoms of movement.

Trade relations between the EU and Iceland are covered by the 1972 free trade agreement between Iceland and the EEC and the EEA Agreement that entered into force in 1994. The EEA Agreement expands the single market, with the exception of agriculture and fishing, to EEA countries. The EEA is by far Iceland's largest export and import market.

Since the Common Agricultural Policy and the Common Fisheries Policy of the EU are not part of the EEA Agreement, the free movement of goods under the Agreement does not apply to all products.

Not only but also, Iceland participates in a number of EU policies, agencies and programs, covering areas such as business, environment, education and research, competition policy, state aid, social policy, consumer protection, tourism and culture. Such wide and deep cooperation means that a significant proportion of EU laws are applied in Iceland. Like other members of the single market, Iceland contributes financially to the social and economic cohesion of Europe. Furthermore, Iceland is a relevant peacekeeper for EU because it is the only NATO member that does not have its own military force.

To conclude, we can emphasize that it is not necessary to have full membership of the European Union to be able to enjoy some of its privileges. The flexibility that bilateral agreements between the institution and other states strengthen not only the national

interests of third parties, but also the foreign relations of the EU and in exchange, increasing the benefits of the latter. However, it is true that the EU is the greatest economic and political support that any country can have. Therefore, we can emphasize that the relations between the Nordic countries and the EU are not only stable and positive, but they are reciprocally necessary. There is a balance that effectively calibrates the interests of both creating a relationship of certain dependence but advantageous. Finland, Denmark, Sweden, Norway and Iceland are emerging and defined as the maximum European economic powers, where the majority does not perceive worthwhile at all to give up their sovereignty in order to become a member state, but on the other hand, their relationship with Europe and the EU is crucial for its existence and development. So, they cannot live without the EU just as it depends largely on them. It is a matter of interdependence and mutual benefit, which leads to a good understanding despite their differences.

References

1. Archick K. The European Union: Questions and Answers // Congressional Research Service. January 22, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov>
2. Duijm N.J. Acceptance criteria in Denmark and the EU // Danmarks Tekniske Universitet, Institut for Planlægning, Innovation og Ledelse, Environmental Project No. 1269 2009 Miljøprojekt. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.566.9779&rep=rep1&type=pdf>
3. Hillion C. Integrating an Outsider: An EU Perspective on Relations with Norway // (2011), European Foreign Affairs Review. Issue 4. 2011. PP. 489-520. URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/European+Foreign+Affairs+Review/16.4/EE R>
4. Hilson M. The Nordic Region // Nordics Info. 25.02.2019. URL: <https://nordics.info/show/artikel/the-nordic-region/>

5. Lazowski A. EEA Countries (Iceland, Liechtenstein and Norway) // In Blockmans S., Lazowski A. (ed.) The European Union and its neighbours: a legal appraisal of the EU's policies of stabilisation, partnership and integration. Hague: T.M.C. Asser, 2006. PP. 95-146.
6. Raunio T., Tiilikainen T. Finland in the European Union. Routledge, 2003. <https://doi.org/10.4324/9780203485019>
7. Renewable Energy in Finland // Ministry of Economic Affairs and Employment of Finland. URL: <https://tem.fi/en/renewable-energy>
8. Schaufeli W.B. Work engagement in Europe: Relations with national economy, governance, and culture. Research Unit Occupational & Organizational Psychology and Professional Learning (internal report). Belgium: KU Leuven, 2017.
9. The history of the European Union // European Union Official Site. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/history_en

**СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА И «ЛОКАРНСКИЙ ПРОЦЕСС»
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

**NORTHERN EUROPE AND THE "LOCARNO PROCESS"
in the second half of the 1920s.**

*Родин Денис Валерьевич,
младший научный сотрудник
кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
enigma9307@mail.ru*

*Denis V. Rodin
Junior Researcher
Department of Modern and Contemporary History
Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
enigma9307@mail.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального
научного фонда Болгарии №20-59-18007*

*The reported study was funded by RFBR and National Science Foundation of
Bulgaria (NSFB), project number 20-59-18007*

Научный руководитель: к.и.н. Е.В. Романова

Scientific supervisor: Ekaterina V. Romanova, PhD (History)

Аннотация: Статья посвящена особенностям восприятия «локарнского процесса» странами Северной Европы во второй половине 1920-х гг. В политике скандинавских стран, оказывавшей влияние и на позицию Финляндии, прослеживается двойственное отношение к «принципам Локарно»: поддержка идеи международного арбитража и отказ от создания системы гарантийных пактов на Балтике. По мнению автора, данное противоречие было обусловлено давними традициями нейтралитета и большей сосредоточенностью названных стран на деятельности в рамках Лиги Наций, а не на взаимодействии на уровне отдельных государств.

Abstract: The article considers the peculiarities of the perception of the "Locarno process" by the Nordic countries in the second half of the 1920s. There was an ambivalent attitude towards the "principles of Locarno" in the policy of the Scandinavian countries, which also influenced the position of Finland: they simultaneously supported the idea of international arbitration and refused to create a system of guarantee pacts in the Baltic. The author speculates that this contradiction was due to the long-standing traditions of neutralism and the greater focus of these countries on the activities within the framework of the League of Nations, and lesser focus on interaction at the level of individual states.

Ключевые слова: Скандинавия, Финляндия, Локарнская конференция, Лига Наций, Северное Локарно, Балтийский регион, нейтралитет, международный арбитраж.

Key words: Scandinavia, Finland, Locarno conference, League of Nations, Northern Locarno, Baltic region, neutrality, international arbitration.

Локарнские соглашения 1925 г. положили начало «локарнскому процессу» в Европе, в рамках которого в межгосударственных отношениях активно распространялись принципы арбитража, мирного разрешения споров и многосторонних гарантийных пактов. Этот процесс затронул и Северную Европу, однако вследствие традиционного для скандинавских стран стремления к нейтралитету он имел в данном регионе специфические черты, отличавшие его от аналогичных явлений в иных частях континента. Целью данной статьи является выявление этих черт и их объяснение.

Первоначально скандинавские страны приветствовали заключение Локарнских соглашений, называя их «разоружением на моральном уровне» [20, с. 50]. Немалое внимание при этом уделялось факту вступления Веймарской республики в Лигу Наций. Накануне подписания Локарнских соглашений известный шведский экуменист Н. Сёдерблум (в последующем лауреат Нобелевской премии мира 1930 г.) выступил с призывом: «Лиге Наций нужна душа, дух, конкретная позиция в отношении наций – иначе она превратится в мертвый механизм» [6, с. 396].

Аналогичных взглядов придерживался и Б.Э. Унден, бывший в это время представителем Швеции в Лиге Наций. В марте 1926 г. он, пользуясь поддержкой британского министра иностранных дел О. Чемберлена, активно поддерживал вступление Германии в Совет Лиги в качестве постоянного члена и совместно с датской делегацией выступал против дальнейшего расширения Совета за счет принятия в него Польши. Как отмечала исследовательница З. Стейнер, занятая Б.Э. Унденом твердая позиция по данному вопросу едва не привела к изоляции шведской делегации в тот момент, когда глава Форин офис выступил за поиск компромисса, приемлемого как для Германии, так и для Польши, за спиной которой стояла Франция [14, с. 418-419].

Под влиянием англичан Б.Э. Унден был вынужден снять свое вето на расширение состава Совета и даже согласился уступить место Швеции в Совете в пользу Польши, чтобы убедить последнюю согласиться на принятие Веймарской республики. Хотя из-за вето, наложенного делегацией Бразилии, также претендовавшей на место постоянного члена Совета, вопрос о принятии Германии в Лигу Наций был окончательно решен лишь в сентябре 1926 г., по признанию как современников, так и историков, действия шведского представителя позволили найти путь к успешному разрешению кризиса в Совете Лиги [10, с. 128].

В дальнейшем представители скандинавских стран неоднократно инициировали и поддерживали обсуждение резолюций Лиги, направленных на претворение в жизнь «принципов Локарно» под контролем международной организации. Например, на VIII сессии Ассамблеи Лиги в 1927 г. представитель Норвегии К.Й. Хамбро предложил заключить всеобщий договор об арбитраже, согласно которому любые межгосударственные споры предлагалось передавать в Международный или третейский суд, назначенный Советом Лиги. Свои идеи он изложил в речи, обличающей систему, при которой «великие европейские державы сосредотачивают в своих руках контроль над международными делами, не обращая

внимания на голос малых стран», что, по его мнению, некогда уже привело к мировой войне [21].

Хотя предложения К.Й. Хамбро не были приняты Лигой, сами страны Северной Европы к тому времени демонстрировали, по словам авторов «Обзора международных отношений» за 1925 г., «большой прогресс на пути к арбитражу и разоружению, нежели практически любая другая группа государств в мире» [15, с. 223]. В ноябре 1925 – январе 1926 гг. Швеция, Дания и Норвегия заключили серию двусторонних соглашений об обязательном арбитраже, которая была дополнена серией договоров о мирном разрешении споров между скандинавскими странами и Финляндией в январе – феврале 1926 г. Как верно отметила отечественная исследовательница А.М. Катцова, подписанные соглашения были призваны создать «первую действенную практическую систему решения конфликтов с помощью международного правосудия» и продемонстрировать «существование реального ответственного северного сотрудничества на добровольной основе» [3, с. 137].

Однако, отстаивая идеи арбитража, скандинавские страны в то же время со скепсисом относились к идее гарантийных пактов на Балтике. Ярким примером подобного отношения служит дискуссия вокруг проекта «Северного Локарно», озвученного представителем Финляндии в Лиге Наций Р. Эрихом в ноябре 1925 г. Финский дипломат предлагал создать на Балтике систему гарантийных пактов с участием всех скандинавских и прибалтийских государств по образцу Рейнского гарантийного пакта с целью закрепления в регионе территориального статус-кво, что предполагало взаимные обязательства стран-участников об арбитраже, ненападении и нейтралитете [19]. При этом, как считал финский президент Л.К. Реландер, поддерживавший начинания Р. Эриха, «деятельность по созданию “Северного Локарно” следовало начать без России, поскольку это единственный способ включить Россию в “Северное Локарно”» [12, с. 140]. Тем самым президент Финляндии, с одной стороны, признавал, что укрепление мира в Северной Европе

невозможно без присоединения Советского Союза к предполагаемому пакту, но с другой, рассчитывал добиться этого через принуждение и изоляцию последнего.

Скандинавская общественность выступила против финского предложения. Датский официоз «Берлингске тиденде» утверждал, что «в странах Северной Европы нет потребности в гарантийных пактах» [18]. Посол Германии в Осло Э. Ромберг, цитируя наиболее влиятельную норвежскую газету «Тиденс тайн», сообщал в Берлин, что «Норвегии следует воздерживаться от любых договоренностей с другими странами, кроме Швеции» и что «чем меньше они взаимодействуют с другими странами Северной Европы, тем лучше для их безопасности» [16]. Шведская праволиберальная газета «Стокгольмс-Тиднинген», в свою очередь, писала: «Социал-демократы, безусловно, правы, утверждая, что северный Локарнский договор без России не имеет никакого значения» [17]. Согласие правых либералов с социал-демократами свидетельствовало, что шведские партии были едины в своем отрицательном отношении к любым попыткам воздействия на нейтралитет их страны, который, по словам исследовательницы И.Н. Новиковой, «выдержал испытание Первой мировой войной» и стал «предметом гордости и одной из важнейших ценностей шведского общественного сознания» [4, с. 396-397].

В результате, не сумев заручиться поддержкой соседей, равно как и великих держав (так, в начале 1926 г. британский посол в Хельсинки Э. Ренни передал министру иностранных дел Финляндии Э.Н. Сетяля позицию своего правительства, что «основание для Северного пакта не подготовлено» [11]), финское правительство было вынуждено дезавуировать предложения Р. Эриха и в дальнейшем склонялось к более тесному сотрудничеству со скандинавскими странами в рамках Лиги Наций.

Равным образом скандинавские страны не поддержали проект «Восточного Локарно», продвигаемый в 1926-1927 гг. польской дипломатией в ходе переговоров с СССР по поводу заключения пакта о ненападении. Польша стремилась навязать советской стороне коллективный договор по образцу Рейнского гарантийного пакта,

в который помимо СССР и Второй Речи Посполитой вошли бы прибалтийские республики и Финляндия. Путем подписания взаимосвязанных двусторонних пактов Варшава стремилась добиться международных гарантий для своих восточных границ, а также «теснее привязать балтийские государства к Польше» [5, с. 178].

Из стран Северной Европы участие в данном переговорном процессе принимала только Финляндия, чьи дипломаты координировали свои действия с коллегами из Эстонии и Латвии. Так, неприятным сюрпризом для Москвы стал совместный демарш трех государств 5 мая 1926 г., когда их представители одновременно передали советской стороне три идентичных меморандума о намерении тесно взаимодействовать друг с другом при ведении переговоров с Советским Союзом [2, с. 345-346]. Однако, несмотря на то, что финская делегация участвовала в конференциях министров иностранных дел прибалтийских стран и Польши вплоть до 1927 г., она постоянно уклонялась от принятия решений военного и политического характера, что, как верно отмечал советский историк Х.Т. Арумяэ, указывало на нежелание финского правительства «участвовать совместно с прибалтийскими государствами в военно-политических договорах, направленных против Советского Союза» [1, с. 262].

В немалой степени этому способствовала позиция, занятая скандинавскими странами. Дания и Норвегия последовательно выступали против любого углубления сотрудничества на Балтике [13, с. 196], соответственно, концепция «Восточного Локарно» была для них неприемлемой. Определенные симпатии к ней проявляли только в Стокгольме, однако и здесь Финляндию предупреждали против активного вовлечения в интеграционные проекты прибалтийских республик и тем более против сотрудничества с Польшей [7, с. 273]. В условиях все большей ориентации Хельсинки на кооперацию со странами Скандинавии подобные предупреждения оказали непосредственное влияние на решение Финляндии отказаться от участия в любых проектах «Восточного Локарно».

Наконец, неприятие гарантийных пактов отразилось и на позиции скандинавских стран в Лиге Наций: в сентябре 1926 г. в ответ на принятие VII сессией Ассамблеи Лиги Наций резолюции о применении модели Локарнских соглашений к различным регионам мира «в качестве основополагающих правил, регулирующих внешнюю политику каждой из наций» [9, с. 1], датский представитель П.Р. Мунк заявил, что «принципы Локарно не могут в равной степени применяться ко всем регионам» и что «некоторые государства не нуждаются в подписании многосторонних пактов о ненападении» [8, с. 206-207]. В результате по его инициативе была принята поправка, признававшая самодостаточность арбитражных соглашений и договоров о мирном разрешении споров без гарантийных пактов.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. страны Северной Европы проявляли готовность к поддержке «локарнского процесса» в масштабах всей Европы, но применительно к Балтийскому региону разделяли «принципы Локарно» на приемлемые и неприемлемые. К первым относились соглашения об арбитраже и о мирном разрешении споров, ко вторым – гарантийные пакты на Балтике. Это было связано с традициями нейтралитета и длительным периодом отсутствия конфликтов между скандинавскими странами, из-за чего они не считали необходимым заключение региональных гарантийных пактов или пактов о ненападении.

Скандинавские страны и Финляндия были в большей мере сосредоточены на деятельности в рамках Лиги Наций, в результате чего сохранение основ Версальского порядка на Балтике было тесно связано с эффективностью работы данной международной организации. Последняя, в свою очередь, уже в 1930-е гг. продемонстрировала неспособность решать международные проблемы и оказалась в состоянии глубокого кризиса, что негативным образом сказалось на положении стран Северной Европы к началу Второй мировой войны.

Список источников и литературы

1. *Арумяэ Х.Т.* За кулисами «Балтийского союза» (из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920-1925 гг.). Таллин: Ээсти раамат, 1966. 281 с.
2. *Документы внешней политики СССР. Т. IX. М.: Политиздат, 1964. 784 с.*
3. *Катцова А.М.* «Скандинавский блок» в Лиге наций и особенности сотрудничества стран Северной Европы на международной арене в 1920-ые гг. // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 4. СПб., 2010. С. 109-159.
4. *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2006. 448 с.
5. *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Ser. B. Bd. II, 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. XLVIII, 543 S.*
6. *Derry T.K.* History of Scandinavia: Norway, Sweden, Denmark, Finland, and Iceland. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2000. 468 p.
7. *Jaanson K.* The Baltic Sea Region in International Relations of the Twentieth Century: the Seminal Nature of the Interwar Period // Journal of Baltic Studies. 2001. Vol. 32. No. 3. P. 267-288.
8. *Jones S.S.* The Scandinavian States and the League of Nations. N.Y.: Princeton University Press, 1939. 298 p.
9. League of Nations. Subject List No. 65 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1926. Geneva, 1926. 31 p.
10. *Möller Y.* Östen Undén: En biografi. Stockholm: Norstedt, 1986. 576 s.
11. Pact of Security between North European States. Minute by Mr. Rennie (Helsingfors). Jan. 29th, 1926 // The National Archives (далее – TNA). Foreign Office (далее – FO) 371/11723, N 631/124/59.
12. *Relander L.K.* Presidentin päiväkirja. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta. T. I. 1925–1927. Helsinki: Weilin & Goos, 1967. 494 p.

13. *Salmon P.* Scandinavia and the Great Powers 1890–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 448 p.
14. *Steiner Z.* The Lights that Failed. European International History 1919–1933. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. XV, 398 p.
15. Survey of International Affairs, 1925. Vol. II. L.: Oxford Univers. Press, 1928. V, 486 p.
16. Telegramm von E. Rhomberg. Oslo, den 21. November 1925 // TNA. German Foreign Ministry Archives (далее – GFM) 33/3639/K244/1/K072536-K072537.
17. Telegramm von F. von Rosenberg. Stockholm, den 27. November 1925 // TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072497-K072498.
18. Telegramm von G. von Mutius. Kopenhagen, den 25. November 1925 // TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072504.
19. Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 17. November 1925 // TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072510-K072511.
20. *Tingsten H.* The Debate on the Foreign Policy of Sweden, 1918-1939. L.: Oxford University Press, 1949. 325 p.
21. W. Selby to Lord Grey. British Delegation, Geneva. 9th September, 1927 // TNA. FO 800/261, p. 294.

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**MIGRATION POLICY OF SWEDEN AT THE PRESENT STAGE:
ECONOMIC ASPECT**

Рябиченко Марта Валерьевна,
магистратура, факультет Мировой экономики,
Дипломатическая академия МИД России
marta-r@inbox.ru

Marta V. Ryabichenko
Master's Degree program
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
marta-r@inbox.ru

Научный руководитель: к.э.н., профессор Сурма И.В.

Scientific supervisor: Ivan V. Surma, PhD (Economy), professor.

Аннотация: В статье рассматривается динамика развития миграционной политики Швеции, одной из главных экономических проблем, стоящих в данный момент перед правительством Швеции. В статье рассмотрены основные этапы проведения миграционной политики Швеции и её влияние на экономику страны, начиная с 2015 года, её нынешнее состояние, а также возможные перспективы её изменения.

Abstract: The article is considering the dynamics of the development of Sweden's migration policy as one of the main economic problems facing the Sweden's government at the moment. The article discusses the main stages of the Sweden's migration policy and its impact on the country's economy, starting from 2015, its current state, and possible prospects for its change.

Ключевые слова: Швеция, миграционная политика Швеции, миграционное законодательство Швеции

Keywords: Sweden, Sweden's Migration Policy, Sweden's Migration Legislation

Пандемия коронавируса изменила экономику большинства стран, обозначив приоритетные направления внутренней и внешней политики. Швеция в марте 2020 г. закрыла свои границы для въезда иностранцев, тем самым решая, в том числе, большую экономическую проблему, вставшую чрезвычайно остро перед шведским правительством ещё в 2015 году. Это — проблема мигрантов, ищущих убежища в гостеприимной Швеции. После получения статуса беженца им полагается жильё, постановка на учёт и вид на жительство, социальные выплаты, рабочие места, которых не хватает часто и коренным шведам, а также возможность переезда семьи беженца в Швецию по программе воссоединения (с соответствующими преференциями) [6]. В 2016 году была попытка несколько сократить наплыв мигрантов, которая не принесла нужного результата. Тогда же глава МВД Швеции Андерс Игеман признался, что ресурсы государства по поддержке переселенцев истощены, поэтому из страны будут высланы около 70 000 беженцев, получивших отказ о предоставлении убежища.

Самым масштабным городом по количеству мигрантов на данный момент является город Мальмё, находящийся на юге Швеции, через который все мигранты попадают в страну. Он считается одним из самых опасных городов не только в Швеции, но и во всей Европе, с царящей там преступностью и своими законами. Большинство мигрантов остаются там на продолжительное время или постоянное жительство. В других крупных городах Швеции есть своеобразные мигрантские гетто, куда «не своим» лучше не заходить.

За какие-то несколько лет Швеция, одна из самых безопасных стран мира, превратилась в страну, где уже мигранты советуют местным жителям уезжать из своих городов, если им не нравится мультикультурализм и разнообразие [1].

Ситуация в мире, а также закрытие границ в марте 2020 г. стало для Швеции шансом наконец-то изменить свою миграционную политику. В марте 2020 г. в стране были закрыты границы для въезда иностранцев, в том числе, тех, кто ждал своей очереди на предоставление убежища в лагерях беженцев. Кроме того,

нелегальные мигранты находятся сейчас в переполненных миграционных тюрьмах и центрах временного содержания. Некоторых мигрантов, содержащихся в этих учреждениях, пришлось отпустить, так как правительство не имеет права слишком долго держать там людей, ожидающих решения властей.

Генеральный директор Миграционной службы Швеции Микаэль Риббенвик отметил, что из-за пандемии, скорее всего, будут приняты специальные ответственные решения этой проблемы, так как сейчас ситуация меняется к худшему.

Летом 2020 г. была надежда на то, что партия «Социал-демократы» и их партнёр по коалиции партия «Зелёные» смогут выработать общую политику в отношении беженцев, используя Комитет по миграционной политике в Риксдаге как переговорную площадку. Однако «Зелёные» пригрозили покинуть правительство в случае лоббирования законопроекта, ужесточающего миграционную политику, хотя большинство избирателей считают миграцию и вопросы интеграции одними из наиболее важных вопросов и хотят, чтобы Швеция принимала меньше соискателей политического убежища [4].

В октябре 2020 г. Швеция отказалась принять беженцев из сгоревшего греческого лагеря Мория, согласившись оказать им только материальную помощь, присоединившись в своём решении к Австрии и странам Вышеградской четвёрки.

В марте 2021 г. Миграционное агентство Швеции попросило у правительства снизить бюджет на его функционирование, заявив также, что они не планируют ликвидировать отставание в подаче заявлений на получение гражданства до 2023 года; на данный момент время ожидания получения гражданства составляет 38 месяцев [5].

2 мая 2021 г. «Умеренные», «Шведские демократы», «Христианские демократы» и «Либералы» в комитете Риксдага по вопросам социального страхования представили общее предложение по ужесточению миграционной политики Швеции. Инициатива объединённой оппозиции стала ответом на

опубликованный в начале апреля 2021 г. законопроект правительства Швеции, контролируемое «Социал-демократами» и «Зелёными», о либерализации порядка прибытия в страну новых мигрантов. Одним из его проявлений станет предоставление вида на жительство в стране «по гуманитарным соображениям».

Оппозиция намерена ввести требование по знанию языка, законов, истории и обычаев Швеции для предоставления постоянного вида на жительство в стране. Лицо, прибывшее в Швецию, как считает оппозиция, может ходатайствовать о переселении в страну членов своей семьи только после того, как получит вид на жительство в Швеции. Также для переезда родственников предлагается ужесточить требования по наличию у них средств к существованию [3].

Йимми Окессон, председатель партии «Шведские демократы», заявил, что после парламентских выборов в сентябре 2022 года, «они намерены полностью отбросить все миграционное законодательство и составить его заново с самого основания» [2].

Список источников и литературы

1. *Густафссон Б.* Современный опыт Швеции в области международной миграции: проблемы и исследования // Журнал исследований социальной политики. - 2003. - Том 1 №2.
2. В Швеции выступили за еще большее ужесточение миграционной политики // ИА REGNUM. [Электронный ресурс] – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3260680.html> (дата обращения 25.05.2021 г.);
3. В Швеции произошло объединение оппозиции по миграционному вопросу// REGNUM. [Электронный ресурс] – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3260676.html> (дата обращения 26.05.2021 г.);
4. Избиратели Швеции хотят снижения потоков соискателей убежища // ИА REGNUM. [Электронный ресурс] – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3035880.html> (дата обращения 26.05.2021 г.);

5. Миграционное агентство Швеции просит снизить бюджет, несмотря на многолетнее отставание // Group Swedish Roulette [Электронный ресурс] – URL:<https://ruletka.se/2021/03/06/migracionnoe-agentstvo-shvecii-prosit-snizit-byudzheta-nesmotrya-na-mnogoletnee-otstavanie/> (дата обращения 15.05.2021 г.);

6. *Филипович А.* Влияние крайне правых в Швеции на процесс евроинтеграции//Мировая политика. - 2019. - №4.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ШПИЦБЕРГЕНА SVALBARD'S INTERNATIONAL LEGAL STATUS

Слюняева Дарья Евгеньевна
Бакалавриат Дипломатическая академия МИД России
sljunjaevad@gmail.com

Daria E. Sliuniaeva
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
sljunjaevad@gmail.com

Научный руководитель: к.полит.н., доцент Кулябина Л.Н.

Scientific supervisor: Lidiya N. Kulyabina, PhD (Political Science).

Аннотация: до сих пор как отечественные, так и норвежские специалисты ведут споры в отношении истории открытия и освоения архипелага Шпицберген. Существует множество различных версий, общепринятой из которых является открытие архипелага Виллемом Баренцом. В результате открытия Шпицбергена туда стали приплывать моряки из многих европейских стран с целью освоения территории и расширения своего влияния на международной арене. Это спровоцировало множество конфликтов, как политических, так и экономических. В связи с этим возникла потребность в правовом урегулировании статуса архипелага. Было предпринято несколько попыток в начале XX века, но только последняя в 1919 г. завершилась наиболее удачно, когда во время Парижской мирной конференции был подписан Шпицбергенский трактат. Несмотря на это между странами, в частности между Россией и Норвегией, по-прежнему остаются разногласия относительно пользования данной землёй.

Abstract: both Russian and Norwegian experts still argue over the history of discovery and reclamation of Svalbard. There are many different theories but the common one is that it was Willem Barentz who discovered the archipelago. After the discovery a lot of European seamen started sailing for Svalbard in order to reclaim the territory and strengthen the influence in the international arena. It provoked many political and economic disputes. Therefore, the sides needed to settle the problem legally. The countries

attempted to do that several times in the begging of the XX century but they only managed to reach the consensus during the Paris peace conference in 1919 when the Svalbard Treaty was signed. Nevertheless, some states, mainly Russia and Norway, still argue over the use of the territory.

Ключевые слова: Россия, Норвегия, Шпицберген, Шпицбергенский трактат, история Шпицбергена.

Key words: Russia, Norway, Svalbard, Svalbard Treaty, the history of Svalbard.

История открытия Шпицбергена остаётся не в полной мере прояснённой, что в итоге отражается и на современном видении статуса и перспектив дальнейшего освоения архипелага. До сих пор ведутся обширные дискуссии по проблеме открытия территории. На сегодняшний день существует как минимум три точки зрения по этому вопросу.

В XIX веке внимание исследователей привлекли исландские саги, где упоминается неизвестная земля Свалбард. Источники датируются 1194 годом. Однако в них архипелаг лишь кратко упоминается. Позже в исландских «Книгах о поселениях» была обнаружена более подробная информация: «от Ланганеса на северном берегу Исландии четыре дня пути морем до Свальбарда на северном краю океана» [10]. Тем не менее, остаётся непонятным, какая именно территория имеется в виду, поскольку сомнения вызывает слишком короткий срок путешествия. Кроме того, «Свальбард» мог означать вовсе не конкретную местность, а лишь только её общую характеристику, поскольку слово можно перевести как «холодный край» или «холодный берег».

Другие исследователи полагают, что в XV-XVII вв. Шпицберген открыли русские поморы. Они стали называть землю «Грумант», «Грунланд» или «Энгронеланд» [5]. Существует предположение, что поморов могли привлечь моржи, которые обитали у берегов архипелага в большом количестве в то время. Несмотря на многочисленные раскопанные поселения поморов, а также найденные надписи на русском языке (некоторые из них представляют собой имена обитателей

архипелага) и предметы духовной культуры (кресты), норвежские учёные скептически относятся к предположению о том, что именно русские открыли Шпицберген. Они считают, что русские начали осуществлять свою деятельность на архипелаге лишь в XVII-XVIII вв. и их промыслы не несли особой значимости.

Пожалуй, единственным неоспариваемым фактом можно назвать экспедицию Виллема Баренца, во время которой путешественник открыл Шпицберген. Он писал: «Земля, возле которой мы шли, была холмистой, возвышенной, но это были не горы, хотя холмы имели вид острых шпилей, поэтому и землю назвали Шпицберген». Хотя стоит отметить, что экспедиция сочла своё открытие за Гренландию.

Таким образом, история освоения архипелага официально отсчитывается от 1596 года. После Баренца Шпицберген посетил Гудзон в 1608 году. Английский мореплаватель также как и его предшественник стремился найти проход в Азию через Северо-восточный путь.

Походы этих путешественников оказали значительное влияние на освоение территории, прежде всего в хозяйственном плане. Во время своих плаваний голландские и английские мореходы обнаружили большое количество китов у берегов Шпицбергена, жир которых был необходим странам Западной Европы для производства технического жира [9]. Кроме того, большим спросом пользовался и китовый ус, из которого делали парики, корсеты и многое другое.

В 1611 году прибыли голландские и английские китобои. За ними последовали французские, ганзейские, датские и норвежские. Заниматься китобойным промыслом начала английская Московская компания. Вслед за ней на Шпицберген прибыла Северная компания (Голландия). Тем не менее, ни одна из них не имела большого опыта в китобойном промысле и поэтому вынуждена была нанимать басков, которые были непревзойдёнными специалистами в этой области.

Большое количество китобоев в пределах Шпицбергена спровоцировало нарастание конкуренции между ними. Каждая из сторон предъявляла экономические требования, пытаясь подкрепить их политическими. Например, в

1613 году английская сторона разместила на архипелаге крест с именем английского короля и заявила, что территория теперь будет «Новой землёй короля Якова». В 1615 году датчане направили в зону деятельности англичан военные суда с требованием уплаты пошлины за деятельность в их территориальных водах. Естественно, это требование не было выполнено.

Очевидно, что между странами впервые встал вопрос о статусе Шпицбергена. В 1619 году в результате «Китовой войны» территория была разделена между сторонами. Голландцы получили остров Амстердам и северо-запад Западного Шпицбергена, датчане – Датский остров (хотя Христиан Четвёртый, король Дании и Норвегии, считал, что Шпицберген географически является частью Гренландии, которая издавна платила Норвегии дань [11]), «китобои из Гамбурга заняли участок в районе Магдаленафьорд, баски – на северном берегу острова Западный Шпицберген, а англичане развернули деятельность в южных районах архипелага» [9].

В XIX веке шведы и норвежцы довольно активно проводили различные экспедиции на архипелаге, геологические работы, а также занимались картографией. В связи с этим появилась необходимость создать поселения на Шпицбергене. В 1871 году Шведско-Норвежское правительство направило в ноты в Россию и некоторые западноевропейские государства, в которой выразило своё желание передать архипелаг под суверенитет Норвегии и, кроме того, создать «свои постоянные жилища, которые стали бы опорой для научных экспедиций» [2]. Государства не имели ничего против предложения Швеции. Однако одно положение вызвало неодобрение со стороны России, а именно положение о суверенитете Норвегии над архипелагом. Страна считала, что было бы удобнее не рассматривать этот вопрос, поскольку не было достоверных сведений об первооткрывателях Шпицбергена. Таким образом, российская сторона предложила считать территорию, доступной для всех государств. И в результате в 1872 году Шпицбергену был придан статус «ничейной земли».

В конце XIX – начале XX вв. на архипелаге были обнаружены месторождения каменного угля, в связи с чем многие страны устремились организовать его добычу. В результате «на архипелаге установился обычай в отношении приобретения прав на земельные участки» [6].

Норвегия, обретя суверенитет в 1905 году, начала работать над решением вопроса о статусе Шпицбергена. Было определено, что Россия, Норвегия и Швеция как наиболее заинтересованные страны будут решать данный вопрос и представят его решение другим странам.

Так, 19 июля 1910 года в Христиании началась первая конференция. Каждая из трёх стран представила свой проект соглашения. В результате стороны согласовали следующие положения: географические координаты архипелага, статус «ничейной земли», нейтральный и демилитаризованный характер территории, финансирование и некоторые другие.

В 1912 году состоялась вторая конференция, на которой решался вопрос о правах на земельные участки. Норвегия предложила, что земельные участки, занятые до подписания конвенции, будут подчиняться иному земельному праву, чем участки, занятые после вступления конвенции в силу [6].

На кануне Первой мировой войны, в 1914 году, состоялась ещё одна конференция по вопросу о статусе Шпицбергена. Встреча была проведена для того, чтобы внести поправки в проект конвенции. Также было принято решение создать Комиссию для управления архипелагом, в которую бы вошли Россия, Швеция и Норвегия. Однако из-за начала войны конференция была вынуждена прекратить работу.

В 1915 году у России появилась возможность получить Шпицберген навсегда в свои руки. Об этом рассказывает Йонас Лид, именно он занимался этим вопросом, в своей автобиографии «Сибирь-странная ностальгия».

Наряду с другими странами США тоже занимались добычей угля на архипелаге. Например, предприятие «Айер энд Лонгьир» работало в то время на

Шпицбергене, а также Йохан Анкер имел большие месторождения угля. Когда разразилась война, они, несмотря на довольно большой успех, решили прекратить свою деятельность, поскольку не были защищены каким-либо суверенитетом. Сначала Шпицберген предложили Норвегии, но министр иностранных дел Илен считал, что королевство было слишком слабым для того, чтобы стать сувереном на территории. Потом Анкер решил обратиться к России по поводу продажи своих мест, что позволило бы ей, как считает Лид, «справедливо взять эти территории под свой контроль» [3]. Анкер обратился к Лиду с просьбой провести переговоры с русскими. Тот согласился и составил текст договора, согласно которому Россия должна была заплатить 4 миллиона рублей в течение десяти дней. В противном случае она потеряет Шпицберген. Барк, российский министр финансов в то время, решил собрать такую крупную сумму. Однако ему не удалось этого сделать, даже при условии отсрочки, ведь казна России вовсе не была рассчитана на такое неожиданное приобретение: все деньги ушли на военные расходы.

В итоге Лид разорвал контракт с русской стороной, что впоследствии положительно обернулось для Норвегии. Лид вспоминает: «Норвегия имела права на Шпицберген и получила официальное признание своего суверенитета по Версальскому договору. Это было моё вознаграждение. Я не получил никакой благодарности ни от посла Пребенсена, ни от Илена, ни от Кьелла-Торкильдсена. Об этом даже не упомянули в прессе» [3].

В 1919 году начала свою работу Парижская мирная конференция, созванная для подведения итогов войны. На этой конференции, по запросу Норвегии, также рассматривался вопрос архипелага. Началась работа над разработкой проекта договора о Шпицбергене, которой занялся председатель юридического комитета конференции Генри Фромажо. Его проект содержал пять положений:

1. «Страны-участницы договора должны были признать суверенитет Норвегии над Шпицбергенем

2. Вопрос о правах на земельные участки, занятые до подписания договора, предполагалось урегулировать до вступления договора в силу. Предусматривалось международно-правовое решение этого вопроса

3. Горнорудный промысел должен был регулироваться в соответствии с отдельным соглашением, которое должно было вступить в силу вместе с договором

4. Архипелаг должен был стать демилитаризованной нейтральной территорией

5. Предусматривалось, что другие страны будут иметь право присоединиться к договору» [6].

25 сентября проект был утверждён и направлен правительству Норвегии. Шпицбергенский трактат был подписан 9 февраля 1920 года и вступил в силу 6 сентября 1924 года. В соответствии с этим договором Норвегия получила суверенитет над архипелагом и островами Медвежий, Надежда и др. Кроме того, все страны-подписанты также получили право осуществлять хозяйственную и научно-исследовательскую деятельность на островах на основе полного равенства [1].

Вплоть до начала Второй мировой войны ситуация на Шпицбергене оставалась спокойной. Однако с оккупацией фашистами Норвегии война пришла и на архипелаг. Все шахтёры были эвакуированы (русские – в Архангельск, норвежцы - в Великобританию).

Немцы заняли Шпицберген. Для них эта территория была стратегически выгодной, поскольку командование «испытывало острую нехватку метеорологической информации для составления прогнозов, необходимых для полёта авиации и прохождения кораблей в Северной Атлантике и Арктике» [4]. С этой целью в сентябре 1941 года около Лонгербюена высадилась группа метеорологов и радистов. Теперь немцы могли собирать информацию о передвижении кораблей Союзников. Кроме того, на архипелаг было направлено около 10 военных экспедиций, а на острове Медвежьем был построен запасной аэродром «люфтваффе». Здесь стоит отметить, что в годы Второй мировой войны

наблюдалось грубое нарушение Парижского Договора от 1920 года, согласно которому Шпицберген является демилитаризованной зоной.

Эмигрантское правительство Норвегии в 1942 году приняло решение послать военную экспедицию на Шпицберген для того, чтобы покончить с деятельностью оккупантов. 13 мая корабли находились у берегов архипелага, но на следующий день экспедиция была обнаружена и подверглась бомбардировке со стороны норвежцев. В результате атаки погиб руководитель экспедиции Э. Свердруп и 12 бойцов. Тем не менее, оставшиеся в живых добрались до Баренцбурга, где они разместились в домах советских шахтёров.

В июле 1942 года на Шпицберген прибыло подкрепление (100 норвежских солдат, военная техника, артиллерийские орудия). В Свеагруве высадился норвежский десант.

Постепенно, несмотря на многочисленные бомбёжки со стороны немцев, Шпицберген стал переходить в руки норвежцев. Уже в конце июля 1942 г. им удалось занять Лонгербюен. В 1943 г. была проведена операция «Орешник», в результате которой норвежцы уничтожили немецкую метео- и радиостанцию. Также началась подготовка к возобновлению добычи угля.

К сожалению, оккупанты не собирались сдавать свои позиции. В ответ на деятельность норвежцев и англичан они разработали операцию «Цитронелла», которая предусматривала ликвидацию англо-норвежского гарнизона и всех предприятий и построек на Шпицбергене. Против Союзников была направлена эскадра во главе с линкорами «Тирпиц» и «Шарнхост». Норвежцы оказали сопротивление, но силы были неравны. В ходе операции разрушению подверглись Баренцбург и Лонгербюен.

К концу войны руководство СССР предложило Норвегии пересмотреть Шпицбергенский трактат, установив советско-норвежский кондоминиум. Предполагалось создание военно-морских и военно-воздушных баз на архипелаге в

случае необходимости [7]. Норвежская сторона отказалась от этого предложения, стремясь соблюдать условия Договора.

В 1977 году начались разногласия между Норвегией и другими подписантами трактата по поводу правомерности введения королевством 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена. С тех пор норвежцы стремились и стремятся «обеспечивать выполнение своего законодательства о 200-мильной зоне, а СССР, Исландия и ряд других стран демонстрировали намерение отвергнуть эти притязания как не соответствующие международному праву» [8].

В последующие годы проблема статуса Шпицбергена стала яблоком раздора в отношениях между Россией и Норвегией. В 1978 году было заключено «Соглашение между правительством СССР и Правительством Норвегии о совместных мерах контроля за рыбным промыслом и регулирования рыболовства в смежном участке Баренцева моря, прилегающем к материковому побережью Норвегии и СССР», в соответствии с которым были установлены единые правила рыболовства. Велись переговоры о распространении этого подхода и на Шпицбергенский трактат, однако они не достигли успеха. В итоге, Норвегия продолжает и сегодня арестовывать российских рыбаков, занимающихся промыслом вблизи архипелага.

Таким образом, статус Шпицбергена всё ещё остаётся не полностью решённой проблемой. Несмотря на существующий Парижский Договор от 1920 года, между сторонами до сих пор возникают разногласия относительно широты прав использования территории. Конечно, суверенитет Норвегии над архипелагом не ставится под сомнение, но нарушение трактата со стороны королевства вызывает беспокойство остальных стран. Учитывая тот факт, что в присутствии на архипелаге в основном заинтересованы Россия и Норвегия, сложность ситуации можно объяснить непростыми отношениями между странами, сложившимися в последние годы. Соответственно, решение спора видится в российско-норвежском диалоге, на который норвежцы пока не настроены.

Список источников и литературы

1. Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902038168> (дата обращения: 27.03.2021).
2. *Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К.* Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов – М.: СОПС, 2006.
3. *Лид Й.* Сибирь – странная ностальгия. Автобиография / Йонас Лид; Пер. с норв. – М.: Издательство «Весь мир», 2009. – 304 с.
4. *Михайлов И.А.* Архипелаг Шпицберген - перекресток событий и судеб / И. А. Михайлов. - М.: Науч. мир, 2004 (Вологда: ПФ Полиграфист). - 221 с.
5. Наука на Шпицбергене: История российских исследований / Под науч. ред. академика РАН В.Т. Калининкова. – СПб.: «ГАМАС», 2009. – 408 с.: ил.
6. *Орешенков А.М.* Международно-правовой режим сухопутной территории Шпицбергена: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. - Москва, 1997. - 193 с.
7. *Порцель А. К.* Борьба за Шпицберген в годы Второй мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 78–90.
8. *Порцель А.К.* Спор о Шпицбергене: точка не поставлена // Арктика и Север. 2011. №3 (сентябрь). – 22 с.
9. *Старков В.Ф.* «Очерки освоения Арктики. Том 1. Шпицберген». – М.: Научный мир, 1998. - 94 с.
10. *Хисдаль В.* Архипелаг Шпицберген (Свальбард): природа и история / Видар Хисдаль; под ред. и с послесловием В.А. Маркина. - М.: Науч. мир, 2005. - 130 с.
11. *Barr S.* Svalbards historie // Store norske leksikon. URL: https://snl.no/Svalbards_historie (дата обращения: 20.03.2021).

ФАКТОР НАТО В СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ

THE NATO FACTOR IN THE NORTHERN EUROPEAN REGION

Тимакова Ольга Александровна
кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва
E-mail: o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova
Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow
E-mail: o.timakova@dipacademy.ru

Аннотация: статья освещает современное состояние отношений стран Северной Европы и НАТО в рамках общеевропейской системы безопасности. Характеризуются основные вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются как страны региона - члены НАТО, так и нейтральные государства.

Abstract: the article highlights the current state of relations between the Nordic countries and NATO within the framework of the common European security system. The main challenges and threats faced by both the regional states - NATO members and neutral states – are characterized.

Ключевые слова: Северная Европа, НАТО, безопасность.

Keywords: Nordic states, NATO, security.

Система военно-политических союзов в Северной Европе создает специфическую среду безопасности и взаимоотношений стран как всей Европы, так и субрегиона. Норвегия, Дания и Исландия являются членами НАТО, в то время как Швеция и Финляндия – неприсоединившимися странами. Одновременно Дания, Швеция и Финляндия входят в ЕС, а Норвегия и Исландия не являются членами Союза. Такая ситуация усложнила сотрудничество Северных стран в сфере обороны – сотрудничество, которое всегда было несколько неформальным и расплывчатым по своему характеру.

Во время холодной войны интеграционный процесс в Североевропейском регионе развивался достаточно успешно во всех сферах, кроме сферы безопасности и обороны [5]. Во время холодной войны сотрудничество Северных стран в области обороны по существу ограничивалось сотрудничеством в контексте миротворческой деятельности ООН.

Окончание холодной войны принесло значительные изменения в военное сотрудничество в Северной Европе: Швеция и Финляндия присоединились к ЕС и в том числе начали взаимодействие с альянсом присоединившись к программе Партнерство ради мира. В Северном совете был снят запрет на координацию внешнеполитической деятельности в 1991 году, что позволило укрепить сотрудничество северных стран в области безопасности и обороны. Страны Северной Европы инициировали совместные проекты вооружений, начали участвовать в операциях под руководством НАТО (например в операциях KFOR и SFOR).

После российско-грузинской войны 2008 года в странах Северной Европы получили распространение алармистские настроения в отношении России. Тем не менее, события 2008 года не привели к каким-либо серьезным переоценкам скандинавского подхода к политике безопасности, в том числе к изменению статуса Финляндии и Швеции. Однако после 2014 года Россию начали представлять как самый большой вызов безопасности. Беспокойство в странах Северной Европы растет, особенно в отношении региона Балтийского моря [5].

НАТО после саммита в Уэльсе в 2014 году запустила программу Enhanced Forward Presence как раз в регионе Балтийского моря. Страны-члены НАТО поспешили восстановить переговорный процесс о вступлении двух оставшихся государств в альянс [2]. Хотя членство Финляндии в блоке не поддерживается большинством на данный момент, готовность к дискуссии в обществе существует [3]. Что касается Швеции, то ее отношения с альянсом характеризуются как всеобъемлющие. С 2013 года Швеция участвует в качестве партнера Сил реагирования НАТО. Более того, в 2014 году Швеция подписала дополнительное

соглашение с НАТО. Правительство намерено расширить участие Швеции в наиболее продвинутых и сложных учениях НАТО, прежде всего в рамках СРН, а также в крупномасштабных учениях альянса, особенно в тех, что проходят в Скандинавском регионе [4].

Другие государства Северной Европы также углубляют сотрудничество в сфере безопасности и обороны в последние годы. Например, Дания подписала историческое соглашение со Швецией о расширении военного сотрудничества, которое позволяет датским военным самолетам и кораблям работать в воздушном пространстве и водах Швеции [1].

Переориентация НАТО после саммита 2014 года в Уэльсе затронула многие государства Северной Европы. Общественные и политические дебаты в Финляндии и Швеции по поводу возможного членства в НАТО даже стали более активными, хотя маловероятно, что они вступят в альянс в ближайшее время.

Список источников и литературы

1. Agreement for Danish Defence 2018–2023 // Danish Ministry of Defence (MOD). 2018. URL: <https://www.fmn.dk/eng/allabout/Pages/danishdefence-agreement.aspx> (дата обращения: 15.06.2021)
2. *Black J., et.al.* Enhancing deterrence and defence on NATO's northern flank // RAND. 2020. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR4300/RR4381/RAND_R4381.pdf (дата обращения: 15.06.2021)
3. Defence Cooperation in the EU: Implications for Norway and Finland // Norwegian Institute for Defence Studies (IFS). 2018. URL: <https://forsvaret.no/ifs/en/events/defence-cooperation-eu-norway-finland> (дата обращения: 15.06.2021)
4. *Faegersten B. (ed.)* The Nordics and the New European Security Architecture. Stockholm: The Swedish Institute of International Affairs. 2020.

Olsen J.A. (ed.) Security in Northern Europe: Deterrence, Defence and Dialogue.
London: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 2018.

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСЛАНДИИ

AFRICAN VECTOR OF ICELAND'S FOREIGN POLICY

Хачирова Лариса Руслановна
Магистратура ДА МИД России
larisahacirova@gmail.com

Larisa R. Khachirova
Master's Degree program of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia
larisahacirova@gmail.com

Научный руководитель: д.и.н., профессор Винокуров В.И.

Scientific supervisor: Vladimir I. Vinokurov, Doctor of Sciences (History),
Professor.

Аннотация: Интересным примером применения «мягкой силы» в исландской внешней политике является ее деятельность на африканском континенте. Партнерами Исландии в этом регионе, с которыми налажен тесный дипломатический диалог, являются две страны: Малави и Уганда. Сотрудничество Исландии с этими странами направлено на улучшение качества жизни людей посредством расширения прав и возможностей населения, наращивания экономического потенциала и обмена опытом. Долгосрочной целью дипломатических усилий в регионе является решение ряда задач в различных областях, таких как устойчивое развитие, экономический рост, гендерное равенство, суверенность, демократия и защита прав человека.

Abstract: Iceland's foreign policy on the African continent is an interesting example of soft power. A close diplomatic dialog has been established with Malawi and Uganda, which are Iceland's main partners in the region. Cooperation with these countries aims to improve people's life quality through empowering citizens, building economic capacity and sharing experiences. The long-term goal of diplomatic efforts in the region is to fulfill

a number of tasks in various fields, such as sustainable development, economic growth, gender equality, sovereignty, democracy and human rights.

Ключевые слова: Исландия, Африка, Малави, Уганда, Восточно-Африканская Рифтовая долина, внешняя политика, дипломатическая служба, мягкая сила, энергетическая дипломатия, геотермальная энергия, гуманитарное сотрудничество, Специализированные учреждения ООН.

Key words: Iceland, Africa, Malawi, Uganda, East African Rift, foreign policy, diplomatic service, soft power, energy diplomacy, geothermal energy, humanitarian cooperation, UN Specialized Agencies.

Одним из важнейших направлений во внешней политике Исландии является энергетика. В контексте энергетической дипломатии Министерство иностранных дел успешно проводит проекты в различных регионах Африки. В рамках одного из них исландцы поддержали исследования в области использования геотермальной энергии в семи странах Восточно-Африканской Рифтовой долины: Джибути, Эритрее, Эфиопии, Кении, Малави, Руанде и Танзании. Посольство также оказало помощь в подготовке к созданию центра передовых исследований в области геотермальной энергии в Кении. Представители кенийской компании по развитию геотермальной энергии посетили Исландию в сентябре 2019 года для изучения энергетического комплекса, ориентированного на возобновляемые источники энергии. Впоследствии было решено провести совместное мероприятие на полях Всемирного конгресса по геотермальной энергии в Рейкьявике[4].

Сотрудничество в целях развития в основном осуществляется путем совместных дипломатических усилий с региональными властями в одном районе Малави и двух в Уганде. Предпринимаются меры по улучшению предоставления базовых услуг (в области образования, здравоохранения) в округах и по укреплению потенциала местных органов самоуправления по предоставлению этих услуг. Кроме того, налажен тесный диалог со специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, работающими с этими двумя странами в тех сферах, которым

Исландия придает наибольшее значение в своей деятельности в регионе. С 2012 года крупнейшим проектом Исландии было оказание финансовой и политической поддержки деятельности властей Малави и в особенности Мангочи (второго по численности региона страны) по упрощению доступа жителей округов страны к базовым социальным услугам. Взносы Исландии в Малави составили более 1,1 миллиарда исландских крон (более 670 млн руб.) в 2019 году [1],[8].

Структура «ООН-женщины» в Малави получила финансирование от посольства Исландии для поддержки правительства страны в выработке первого плана действий в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН №1325 о женщинах, мире и безопасности. При президенте страны была создана руководящая группа для сотрудничества с советниками из организации «ООН-женщины». Группа, в которую входят специалисты из Исландии работает над документом, в котором будут закреплены меры по предотвращению и снижению вероятности возникновения конфликтов, сохранению мира и безопасности, а также ключевая роль женщин в этих процессах [5].

Для расширения доступности энергетического комплекса и использования возобновляемых источников энергии в округе Мангочи, исландское посольство заключило соглашение на трехлетний срок с проектом Германского агентства по сотрудничеству в целях развития. Задача состоит в том, чтобы увеличить спрос на использование солнечных батарей для производства электроэнергии как для частного, так и для общего пользования, в том числе в школах, больницах и офисах [8].

Посольство поддержало женщин-кандидатов в округе Мангочи на последних парламентских выборах и выборах в органы местного самоуправления в Малави, которые состоялись 21 мая 2019 года. Проект является частью более масштабной «Кампании 50/50» и направлен на расширение участия женщин в политике Малави. Кампания имела ошеломляющий успех: в парламенте теперь 23,3% депутатов-женщин по сравнению с 16,7% после выборов в 2014 году. В провинции Мангочи

десять женщин были избраны в парламент или в районный и городской совет. Число женщин из этого округа в парламенте увеличилось вдвое, среди них заместитель президента страны – новая депутат от Мангочи. Три женщины впервые вошли в состав районного совета Мангочи. Посольство поддержало визит делегации из трех женщин-парламентариев из Малави в Исландию в ноябре прошлого года (одна из них – первая женщина-спикер парламента Малави Катрин Готани Хара) [6],[9].

Исландия подписала соглашение с Глобальным альянсом по вакцинам и иммунизации (GAVI) в Малави в начале 2019 года на трехлетний период, чтобы обеспечить своевременную и всеобщую вакцинацию детей. Исландия внесла в проект в общей сложности 1 миллион долларов США. Страны Северной Европы давно поддерживают работу ГАВИ, и после подписания соглашения к ним присоединилась и Исландия [7].

Исландия и Уганда совместно работают в области сотрудничества в целях развития на протяжении 20 лет. Переломным моментом в работе стал конец 2019 года: успешно выполнен план сотрудничества с островным округом Калангала на озере Виктория. Исландия всегда была вовлечена в работу по развитию рыболовных сообществ. В последние годы упор был сделан на детское образование, доступ к питьевой воде и более здоровый образ жизни в рыбацких общинах. Таким образом, власти Исландии считают, что способствуют формированию более образованного и здорового поколения молодых людей. Исландия – единственная страна-спонсор, которая занимается образованием на островах, принадлежащих Уганде, что особо отмечают в министерстве иностранных дел [2],[10].

Исландские вузы активно сотрудничают с УниверситетомMakerере в Кампале, одним из лучших университетов африканского континента. В 2020 году Университет Исландии и Университет Рейкьявика подписали декларации о сотрудничестве с УниверситетомMakerере, которые включают обмен преподавателями и студентами. Комитет по внешней политике Парламента Исландии объявил в 2020 году о поддержке органов здравоохранения района Буйкве

в борьбе с пандемией коронавируса, а также о намерении оплачивать школьное питание для детей в 45 школах в течение одного семестра. Однако не все гладко в отношениях двух стран. В солидарность со странами Северной Европы и рядом других государств Запада правительство Исландии подвергло критике руководство Уганды за нарушение прав человека (в особенности ЛГБТ-сообщества), ограничение свободы СМИ и свободы слова [11].

Исландские заграничные учреждения продолжают активно реализовывать ряд проектов регионального сотрудничества в Сьерра-Леоне и Либерии. И конечно, куда без «рыбной дипломатии». Большая часть проектов нацелена на повышение стоимости и качества рыбной продукции, а также улучшение условий жизни тех, кто обрабатывает и продает ее – в основном это женщины. В Сьерра-Леоне акцент был сделан на партнерстве с Томбо, рыбацким городком с населением 40 тысяч человек. Там по схеме чертежей, разработанных в Исландии, были спроектированы усовершенствованные коптильные печи, которые позволяют женщинам, занимающимся переработкой и продажей рыбы, выполнять работу в условиях санитарной безопасности и с доступом к воде.

В Либерии очистка береговой линии представляет собой серьезную проблему, и одна из задач заключается в очистке пляжей от мусора и пластика. Кроме того, в сотрудничестве с исландским исследовательским институтом «Матис» были спроектированы лаборатории, обслуживающие рыбную промышленность страны, и закуплено исследовательское оборудование для них. В ходе визита министра иностранных дел Гудлейгура Тордарсона в Сьерра-Леоне в октябре 2019 года исландская делегация подчеркнула важность расширения прав и возможностей женщин и искоренения гендерного неравенства, пообещав профинансировать программы, осуществляемые ЮНИСЕФ и ЮНФПА в стране [3],[7].

Таким образом, можно сделать вывод, что исландская внешняя политика прочно освоилась на африканском направлении, не уступая в интенсивности работы в регионе соседним, не менее амбициозным, Швеции и Норвегии. В условиях

полицентрического мира и ускоряющейся глобализации, необходимо брать во внимание все модели сотрудничества и просчитывать влияние всех участников международной системы – даже малых стран, чей сравнительно новый опыт может оказаться полезнее и актуальнее отработанной стратегии крупных мировых и региональных держав.

Список источников и литературы

1. Bilateral Cooperation. Ministry for Foreign Affairs [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.is/topics/foreign-affairs/international-development-cooperation/bilateral-cooperation/> (дата обращения: 14.03.2021)
2. Buikwe – ICEIDA Development Partnership. Education Development in Fishing Communities 2016 – 2019 ICEIDA Project No. UGA 11220 – 1502. 83 p.
3. Fiskiverkefni í Vestur-Afríku. Utanríkisráðuneytið [Электронный ресурс] URL: <https://www.stjornarradid.is/verkefni/utanrikismal/throunarsamvinna/svaedasamstarf/fiski-verkefni-i-vestur-afriku/> (дата обращения: 14.03.2021)
4. Jarðhitaleit í austanverðri Afríku. Utanríkisráðuneytið [Электронный ресурс] URL: <https://www.stjornarradid.is/verkefni/utanrikismal/throunarsamvinna/svaedasamstarf/jardhitaleit-i-austanverdri-afriku/> (дата обращения: 14.03.2021)
5. Kynjajafnrétti. Utanríkisráðuneytið [Электронный ресурс] URL: <https://www.stjornarradid.is/verkefni/utanrikismal/throunarsamvinna/thverlaeg-malefni/kynjajafnretti/> (дата обращения: 14.03.2021)
6. Mangochi Basic Services Programme 2017 – 2021. Malawi Government in Partnership with Icelandic Government through ICEIDA. Implementation by Mangochi District Council. 66 p.
7. Skýrsla utanríkis- og þróunarsamvinnuráðherra um utanríkis- og alþjóðamál. 151. löggjafarþing 2020–2021. Þingskjal 1321 – 765. mál. 133 p.
8. Þingsályktun um stefnu um alþjóðlega þróunarsamvinnu Íslands 2019–2023. Samþykkt á Alþingi 2. maí 2019. 8 p.

9. Þróunarsamvinna ber ávöxt. Utanríkisráðuneytið [Электронный ресурс] URL:<https://www.stjornarradid.is/raduneyti/utanrikisraduneytid/utanrikisradherra/stok-raeda-utanrikisradherra/2019/09/09/Throunarsamvinna-ber-avox-/> (дата обращения: 14.03.2021)
10. Uganda. Country Strategy Paper 2014 – 2017. The Icelandic International Development Agency (ICEIDA). 52 p.
11. Viljayfirlýsing um aukið samstarf Háskóla Íslands og Makerere háskólans í Úganda. Utanríkisráðuneytið [Электронный ресурс] URL: <https://www.stjornarradid.is/raduneyti/utanrikisraduneytid/heimsljos/frettir/stok-frett/2020/02/21/Viljayfirlysing-um-aukid-samstarf-Haskola-Islands-og-Makerere-haskolans-i-Uganda/> (дата обращения: 14.03.2021).

Научное издание

**«СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ОРИЕНТИРЫ»**

сборник материалов участников
I международного круглого стола
молодых ученых-нордистов (24, 30 апреля 2020 г.)
и II международного круглого стола (28 мая 2021 г.)
молодых ученых-нордистов

Ответственный редактор:

Кулябина Л.Н.

Редакционная коллегия:

Ногмова А.Ш., Тимакова О.А., Шангараев Р.Н.

Дипломатическая академия МИД России

2021

144